



АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН



Алексей Калугин
Форс-мажор (сборник)

«ЭКСМО»

2008

Калугин А. А.

Форс-мажор (сборник) / А. А. Калугин — «Эксмо», 2008

Если глюки оказываются не совсем глюками, а кошмары обретают полное правдоподобие, стоит задуматься: может, это кому-то надо? Может, этот «кто-то» крайне заинтересован, чтобы Петр Максин стал послушным орудием чьей-то злой воли и выполнил «миссию», даже не подозревая об этом? А если вдруг заподозрит неладное, заартачится, то его и ликвидировать недолго. Вряд ли поводом к международному скандалу станет исчезновение обыкновенного эколога, присланного в отсталую Россию спасать и просвещать упертых русских, никак не желающих присоединиться к такому удобному единому мировому информационному пространству. Однако когда за дело спасения Родины и человека берется Государственная Безопасность, сценарии поджигателей и диверсантов можно выбрасывать на помойку, будь они хоть трижды гениальные пришельцы или четырежды продвинутые гости из будущего...

© Калугин А. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

ФУГГАЗИ-ДЖАЗ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей КАЛУГИН

ФОРС-МАЖОР

ФУТГАЗИ-ДЖАЗ

Повесть

– Дамы и господа! Через пятнадцать минут наш самолет покинет зону единого информационного пространства, после чего все имеющиеся у вас предметы личного пользования, созданные с помощью универсальных информационных носителей, дематериализуются. Не забывайте об этом, дабы не оказаться в неловком положении...

В голосе пилота едва заметная ирония. Еще бы! Кто не слышал уморных историй о рассеянных туристах, забывших переодеться в одежду, созданную без использования нанотехнологий, и оставшихся в чем мать родила, как только самолет пересек границу с Россией, на территорию которой единое информационное пространство, как известно, не распространяется. Большинство этих историй всего лишь байки, придуманные самими же туристами, чтобы по возвращении домой повеселить друзей и родственников, не представляющих себе, что такое жизнь без уинов. Уже хотя бы потому, что вас не пустят в самолет, следующий рейсом в Россию, если вы не одеты как положено. А вот что касается всего остального...

– ...Ряд предметов первой необходимости, которые вы забыли приобрести до отлета, могут предложить вам наши стюардессы...

Я открыл саквояж, стоявший на соседнем незанятом сиденье. Так, туалетные принадлежности, допотопный сотовый телефон, миниатюрный диктофон, цифровой фотоаппарат, электронный органайзер, два чистых блокнота, пачка сторублевых купюр... Собственно, все это можно было купить уже по прибытии в аэропорту или в гостинице, но я предпочитаю обзавестись всем необходимым заранее, дабы потом не забивать голову ерундой. По роду деятельности мне регулярно приходится бывать в России, поэтому я на собственном опыте знаю, насколько трудно человеку, привыкшему к жизни в информационном пространстве, постоянно следить за тем, чтобы под рукой имелись все необходимые мелочи.

Я поднял руку. Миниатюрная блондинка в малиновой униформе, катившая по проходу между креслами столик на колесиках, улыбнулась, заметив мой жест, и быстро двинулась в мою сторону.

– Что желаете?

– Авторучку.

Стюардесса нажала кнопку на краю столика, и моему взору предстали три десятка самых разных авторучек – от пластиковых простушек до похожих на сигары монстров в золоченых корпусах. Я выбрал небольшую, аккуратную, удобно ложающуюся в руку авторучку с серо-стальным корпусом, покрытым витым узором, выполненным чернью. Она не бросалась в глаза, но внимательный наблюдатель мог отметить, что это отнюдь не дешевка.

– Еще что-нибудь? – вежливо осведомилась стюардесса.

– Благодарю, это все, что мне надо, – ответил я, убирая авторучку.

– У вас нет часов, – улыбнулась девушка.

На руке у меня часов действительно не было. Я достал их из специального маленького кармашка, нашитого поверх внутреннего кармана пиджака, и не без гордости продемонстрировал красавице. Большие круглые часы с откидывающейся крышечкой, ажурными стрелками и крупными римскими цифрами. Настоящий антиквариат. На внутренней стороне крышечки

можно прочитать полустершуюся гравировку «Петръ Леонидович Максинъ». Наверное, это имя первого владельца часов. И мое тоже. Но тот, кому часы принадлежали прежде, не имеет ко мне никакого отношения. Часы подарила мне Настя четыре года назад на мой тридцать пятый день рождения. Настю поразило удивительное совпадение имен, и она решила, что непременно должна подарить мне эти часы. Настя молчала, как заговорщица, когда я расспрашивал ее о стоимости часов, но, подозреваю, обошлись они ей недешево. Я как раз впервые в Москву собирался, и часы пришлись очень кстати. А потом они стали для меня не талисманом даже, а амулетом, таинственным оберегом, спасающим от любых напастей. Я носил их даже в информационном пространстве, где в часах нет никакой надобности – точное время можно узнать, просто подумав об этом. Кто знает, быть может, мистическое совпадение имен бывшего и нынешнего владельцев часов на самом деле наделяло их какими-то чудодейственными свойствами?

– Замечательные часы, – вежливо улыбнулась стюардесса, хотя, конечно же, не смогла оценить вещь по достоинству. – Так вам больше ничего не нужно?

– Нет, – я спрятал часы в карман.

Зачем я вообще их доставал? Не для того же, чтобы произвести впечатление на совершенно незнакомую девушку? Должно быть, мне самому нужно было на них взглянуть. Обычно это помогает мне сосредоточиться и собраться с мыслями.

– Триста семьдесят уинов, – стюардесса показала мне стержень уин-дозатора, на узеньком табло которого горело озвученное число.

Я кивнул и положил на подлокотник левую руку. Стюардесса коснулась активным кончиком дозатора углубления на уин-перстне, украшавшем мой безымянный палец, и в моем организме стало ровно на триста семьдесят уинов меньше.

– Благодарю вас, – еще раз дежурно улыбнулась стюардесса. – Желаю приятно провести время, – и покатила дальше по проходу свой столик.

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Хорошо тому, кто летит в Россию первый раз, чтобы охать и ахать, с удивлением глядя на причуды и выверты последней страны, оставшейся в стороне от единого информационного пространства. Он еще даже и не подозревает, с чем ему предстоит столкнуться. То, о чем с восторгом рассказывают рекламные проспекты туристических фирм, для него пока не более чем экзотика, нечто такое, чего не увидишь больше нигде в целом мире. И хорошо, если такой же экзотикой она и останется для него после возвращения домой. Интересно, многие ли из тех, что летят сейчас одним со мой рейсом, захотят снова вернуться в Россию? Хотя бы в качестве туристов?

– Уважаемые пассажиры! Самолет заходит на посадку! Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение и пристегните ремни!

Ну, вот и прилетели!

* * *

Неприятности у туристов начались уже в зале прибытия. Кто-то вдруг обнаружил пропажу очень нужных ему вещей.

«Видите ли, я постоянно пользуюш когектогом дикчии, – безбожно шепелявя, жалуется пожилой, статный мужчина своему соседу. – Шовегшенно жабыл пго него». Две дамы, минуту назад забежавшие в туалетную комнату, выскакивают оттуда с вытаращенными глазами. «Они до сих пор пользуются унитазами!» – громким шепотом сообщает одна из них своим спутникам. Однако! Нужно было хотя бы памятку для туристов в самолете прочитать.

Встречающий группу представитель туристической фирмы, размахивая рукой, громко объясняет прибывшим план дальнейших действий:

– Кто еще не успел получить свой багаж, подойдите к стойке номер двенадцать!..

Я поудобнее перехватил ручку саквояжа. Багаж – вот еще одно слово, напрочь вышедшее из употребления в зоне единого информационного пространства. О каком багаже может идти речь, если любая необходимая вещь может быть создана на месте в считанные секунды?

– Таможенная декларация, – гид машет над головой бледно-зеленой бумажкой, – должна быть заполнена в строгом соответствии с утвержденной формой! Нельзя просто написать на листке бумаги «Я привез с собой пять тысяч рублей» и поставить подпись!..

Туристы смеются, недружно, но громко, как будто оценили шутку. На самом деле просто увидели, как усмеяется гид, и не захотели выглядеть глупее других. Туристы все больше пожилые, а значит, много путешествующие. Кому из них за последние пятнадцать лет приходилось заполнять таможенную декларацию? Это Россия, дорогие мои соотечественники! Россия, а не Мексика и не Шри-Ланка!

– Внимание! – Гид хлопает в ладоши, добиваясь внимания всех без исключения членов группы. Я перехватываю ручку саквояжа двумя руками и из чистого любопытства тоже смотрю в его сторону. – После того как все формальности будут улажены, мы встречаемся здесь! – гид указывает вытянутой рукой на большое световое табло «Вылет – Прибытие». – Видите? – Туристы дружно кивают. – Под этим большим табло! – Он что, за идиотов всех держит? – Как только мы все соберемся, идем в автобус! Автобус доставит нас в гостиницу имени Первой Государственной Думы... .

– Простите! – поднимает руку тшедушная старушка с розовыми волосами. – Но нельзя ли перед экскурсией в Государственную Думу заехать в гостиницу?

– Мы как раз туда и едем! – Гид умильно улыбается и складывает ладошки перед грудью. – «Имени Первой Государственной Думы» – это название гостиницы!

Туристы удивленно загомонили.

Я про себя усмехнулся – ничего, привыкайте, вы здесь еще и не с таким столкнетесь.

– Вопросы есть? – Гид призывно вскидывает руку над головой.

Понятное дело, вопросы имеются у всех. Но не те, которые стоит задавать немедленно.

Прекрасно понимаю настроение туристов. Сейчас они больше всего хотят добраться до гостиницы и вселиться в номера, чтобы наконец-то обрести хотя бы видимость защищенности от странного мира, в который они попали. По собственной воле, заметьте!

– Там – туалет! – Гид машет рукой направо. – Там – обменный пункт, – гид машет рукой налево, – где вы можете обменять уины на рубли! Но если сейчас у вас нет острой потребности в рублях, лучше произвести обмен в городе, там курс выгоднее! Быстренько! – Гид хлопает в ладоши. – У нас на все про все полчаса! – Еще один хлопок.

Все, как по команде, разбегаются. На месте остаются трое – шепелявый мужчина и две благообразные старушки.

– Ижвиняюш, – обращается к гиду шепелявый. – В Мошкве мощно пгеобгешти когтектог дикчии?

– За наличный расчет в Москве можно приобрести все, что угодно, – ободряюще улыбается шепелявому гид и отворачивается в сторону.

Смотреть больше было не на что.

Перехватив саквояж левой рукой, я не спеша двинулся к выходу на улицу.

– Уважаемый, – тут же подскочил ко мне паренек лет двадцати двух в кожаной куртке и надвинутой на глаза кепке. – Уины продать не хотите?

– Нет, – коротко ответил я.

– Заплачу лучше, чем в обменном пункте, – не отставал парень.

– У меня нет, – сказал я, чтобы отвязаться. – Все при отлете обменял.

– Не тренди, – презрительно фыркнул парень. – У вас, информатиков, организмы уинами набиты.

Ага, новое словечко появилось. Информатиками теперь называют тех, кто живет в зоне единого информационного пространства. Невзирая на национальность и вероисповедание. А вот для себя они новое название никак придумать не могут. «Россияне». Как только слышу это слово, сразу вижу Илью Муромца на вороном коне с гривой до копыт, в одной руке копьё с темляком, в другой меч-кладенец, к седлу голова Соловья-разбойника приторочена. Только где они теперь, богатыри-то русские?

– Ну так что, продашь сотен пять?

– Нет.

– Козел, – процедил сквозь зубы парень и отвалил в сторону.

Вот еще один характерной признак земли Русской – только здесь тебя могут обхамить просто так, без причины, но за милую душу.

Сами собой распахнулись стеклянные двери, и я вышел на улицу.

Конец апреля – замечательная пора. Тепло, но не жарко. Деревья пока еще стоят голые, лишь кое-где на ветках заметны зеленые крапинки только-только проклюнувшейся листвы. А легкий ветерок уже носит тонкий запах молодой травы, пробившейся из-под спутанных косм сухой, прошлогодней. Пора расцвета и возрождения к новой жизни. Почему никто не додумался разбить клумбу с цветами на выходе из аэропорта? Места более чем достаточно, но вокруг только серый бетон. И какой-то невразумительный монумент, похожий на гору ржавого металлического лома. Сколько раз смотрю на нее, не могу понять, что сия конструкция символизирует.

Не успел я подойти к краю тротуара, как рядом затормозила желтая машина такси.

– У вас багаж? – наклонившись к окошку, приветливо улыбнулся шофер.

Я показал саквояж.

Таксист коротко кивнул, щелкнул клавишей на панели управления, и передо мной распахнулась задняя дверца.

– Гостиница «Балчуг», – сказал я, устраиваясь на сиденье.

Таксист с интересом посматривал на меня через зеркало заднего вида. С одной стороны, говорю я на чистом русском, даже без намека на акцент. С другой – какой же русский возвращается из-за кордона без багажа?

Машина отъехала от тротуара, плавно скатилась по наклонному пандусу и выехала на шоссе.

– По делам или в гости?

Тонкий ход! Вопрос можно повернуть как в одну сторону, так и в другую! Мол, были в гостях? Или приехали в гости?

– По делам, – ответил я, глядя за окно.

– Надолго?

Черт, вроде бы ясно дал понять, что не расположен к беседе.

Я прямо посмотрел в глаза шофера, отражавшиеся в зеркале заднего вида.

– А что?

Взгляд шофера метнулся в сторону.

– Да нет... Я просто так спросил.

От нечего делать я принялся считать дома за окном. Не похоже, что шофер работает на Госбезопасность, – слишком уж прямолинейно начал. Хотя, с другой стороны, даже если и работает, мне-то что? Я официальное лицо, представитель Мирового экологического форума, прибыл в Москву для того, чтобы ознакомиться с последними отчетами по экологическому балансу озера Байкал, договориться об установке новых фильтров на целлюлозно-бумажном комбинате, сбрасывающем в озеро промышленные отходы, и посетить Облонские реликтовые болота. Между прочим, МЭФ готов бесплатно предоставить России фильтры и самостоятельно провести все работы по их установке и наладке. Мне же предстоит уговаривать местное руко-

водство согласиться на эти условия. Улавливаете иронию? Человека нужно уговорить принять дорогой – очень дорогой! – подарок. В новых фильтрах, созданных по неизвестной им технологии, русские почему-то видят троянского коня. А что мы будем делать, если через неделю ваши фильтры выйдут из строя? – спрашивают они. И здесь уже не помогают никакие доводы. Ну какой российский чиновник поверит в то, что некая неправительственная организация из закордонья – есть у них в России такое словечко – просто так, за здорово живешь, подарит ему новенькие промышленные фильтры только потому, что их, иностранцев этих поганых, беспокоит, видишь ли, судьба самого глубокого в мире озера? Ну, чистый бред! С точки зрения российского чиновника, разумеется.

А вот интересно, что думает по этому поводу простой московский таксист?

– Извините, – посмотрел я в затылок водителю. – Можно поинтересоваться, как вы, лично вы, относитесь к проблеме озера Байкал?

Не оборачиваясь и даже в зеркало на меня не глянув, таксист поднял правую руку и основательно почесал стриженный затылок.

Ну, давай же, дорогой, скажи что-нибудь веское! Изреки какую-нибудь вековую народную мудрость!

– А где это?

– Что? – не понял я.

– Байкал ваш.

– В Сибири...

– Тю! – таксист помахал рукой в воздухе. – Так мы ж в Москве!

– Но Сибирь – это Россия.

– А мне-то что? – пожал плечами шофер. – Я дальше Волоколамска никогда из Москвы не уезжал. Сибирь... – Водитель крутанул головой, как будто смешок проглотил. – Но, – веско! – Курилы японцам не отдадим!

Вот оно! Исконно русское мышление! Байкал нам нафиг не нужен, потому что он и без того наш, но Курилы супостату не отдадим!

Да, тут было над чем подумать. И времени поездки от Шереметьева-2 до «Балчуга» для этого было явно маловато.

– Приехали, – сообщил шофер, затормозив у входа в гостиницу.

Он обернулся, положил локоть на спинку водительского сиденья и посмотрел на меня с такой улыбкой, будто собрался позволить мне забрать Курилы.

Я улыбнулся в ответ – спасибо, не надо – и полез в карман за бумажником.

– Можете расплатиться уинами, – не понял моей улыбки шофер.

Дались же им эти уины! От них же никакого проку, если нет информационного пространства!

– У меня есть рубли. – Я раскрыл бумажник. – Сколько?

– В уинах дешевле будет, – шофер чуть прищурил левый глаз, словно собирался подмигнуть мне заговорщицки.

– Сколько? – я достал из бумажника деньги.

Шофер отвернулся недовольно и щелкнул пальцем по кнопке. На кассовом табло загорелась сумма к оплате – 320 рублей. Еще десять процентов чаевых, ладно.

– Прошу вас, – я протянул шоферу ровно 352 рубля.

Таксист забрал деньги, сунул мне в руку чек и, опустив клавишу на панели управления, открыл заднюю дверцу.

– Всего доброго, – сказал я, выбираясь из машины.

Рядом уже суетился швейцар-негр в малиновой ливрее с золотыми позументами, так и норовивший вырвать у меня из рук саквояж.

– Благодарю, помощь мне не нужна.

Швейцар недовольно засопел, шевельнул вывернутыми ноздрями и с обиженным видом отошел в сторону. Да, вот чего негр не хватало, так это широкой, окладистой бороды, которую можно степенно оглаживать, стоя в сторонке и предаваясь возвышенным думам о судьбе родины.

* * *

Номер люкс 412 был постоянно зарезервирован за Мировым экологическим форумом. Точно так же, как еще семь номеров на разных этажах гостиницы. Не сказать, чтобы «Балчуг» ломился от посетителей, но так оно было спокойнее, надежнее, да и солиднее, в конце концов. Портье вокруг меня едва лезгинку не станцевал, стоило мне показать золотую карточку «Службы Путешествий». Тут же коридорного свистнул, чтобы он мой багаж на четвертый этаж доставил. То, что из багажа у меня оказался только саквояж, который я никому не хотел доверять, страшно обескуражило как портье, так и коридорного, а также горничную, которая тоже на что-то рассчитывала.

Поднявшись в номер, я сунул в руку увязавшемуся таки за мной коридорному двадцатку и захлопнул дверь у него перед носом. Не хватало только, чтобы он начал демонстрировать мне все достоинства номера, в котором я останавливался уже в пятый... Или в шестой раз?

Я поставил саквояж на журнальный столик в гостиной, снял пиджак, кинул на спинку стула, распустил узел галстука, глубоко засунул руки в карманы и посмотрел по сторонам. С последнего моего посещения в номере почти ничего не изменилось. Если не считать ночника в виде китайского фонарика на стене. Прежде на этом месте висела полочка с фигуркой гондольера, у которого при хлопке зажегся тусклый огонек на кончике весла. Я достал из кармашка часы, щелкнул крышкой и посмотрел на циферблат.

Без пяти четыре.

Что ж, очень хорошо. Сегодняшний вечер у меня был свободен.

Я подошел к огромному, едва не в полстены, бару, открыл холодильную стойку и не спеша изучил ассортимент. Выставка была замечательная. Скользя взглядом по этикеткам, я остановил выбор на ледяном чае с лимоном.

Подхватив одной рукой бутылку, другой – тяжелый четырехгранный стакан, я ногой подтолкнул кресло к невысокому шестиугольному столику из карельской березы. Устроившись в кресле, я налил себе стакан чая и, мысленно отсалютовав всем, кто был рад или вовсе не рад видеть меня в Москве, сделал два больших глотка. Чай был хорош! Прохладный, чуть кислотаватый, пузырьки углекислоты приятно щекочут небо.

Ах, блаженство!

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Вот так можно сидеть и не только ничего не делать, но даже и не думать ни о чем. Час, другой, третий... Интересно, на сколько меня хватит? Или, если повернуть вопрос иначе, на сколько мне хватит чая? Потому что сидеть в кресле без чая совсем скучно.

Приоткрыв один глаз, я посмотрел на застывший серой глыбой в углу телевизор. Модель с голосовым управлением. Чтобы этот ящик работал как следует, на него нужно орать, потому что простых, тихих слов он не понимает. Или не желает понимать. А может быть, его специально так настроили на заводе?

Россия...

Я допил чай и поставил стакан на столик.

И тут оно началось.

* * *

Странным было не то, что это вообще происходило – к странностям я был готов, – а то, что всякий раз это начиналось по-разному.

Когда это случилось в первый мой приезд в Москву, я страшно перепугался. Решил, что спятил. Или, в лучшем случае, переутомился. Принялся таблетки глотать успокаивающие, все, что под руку попадались. От транквилизаторов меня вело, как суслика среди зимы. Каким-то чудом я дотянул до конца визита. В самолете меня скрутило так, что думал, точно концы отдам. Перед глазами все плыло, как будто смотришь на мир сквозь гигантские прозрачные шестеренки, крутящиеся, цепляющиеся друг за друга и переливающиеся радужным сиянием. По сравнению с тем, что я лицезрел в гостиничном номере, видение это не наводило смертельного ужаса. Но и ощущение близящегося полного разрыва с действительностью было не из самых приятных. Но как только самолет пересек кордон, отделяющий Россию от единого информационного пространства, морок будто рукой сняло. Я вновь был полон сил, бодр, уверен в себе и в реальности происходящего. Поэтому я не стал обращаться к специалистам, решив, что уины уже вычистили из моего организма всю заразу.

Но в следующий мой приезд все повторилось в еще более тяжелой форме. Первые два дня я еще как-то боролся с бредом, а потом просто выпал из реальности. Картина окружающей действительности причудливо дробилась и перемешивалась с кошмарными образами, являвшимися из ниоткуда. Вернее, это я не мог понять и объяснить их происхождение.

Позже я определил для себя это состояние словом «накат».

А майор Ворный научил меня бороться с ним другим накатом.

– Ну, накатили! – провозглашал обычно Владимир Леонидович перед тем, как опрокинуть в рот стопку водки.

И снова морок отпустил меня, стоило пересечь границу единого информационного пространства.

Так что ж, выходит, это сама Россия на меня так воздействует?

Вернувшись домой, я попытался выяснить, не происходит ли то же самое с другими людьми. Я перерыл горы специальной литературы, побывал на всех доступных медицинских сайтах, переговорил с несколькими знакомыми врачами. И ничего не нашел по интересующему меня вопросу. Абсолютно ничего. Ни намек даже.

Получалось, только я один слетаю с катушек, едва оказавшись вне зоны единого информационного пространства?

И чем же я заслужил такое?

Что самое ужасное, моя работа в Российском секторе Мирового экологического форума была связана с регулярными поездками в Москву, Питер, Новосибирск и другие крупные города единственной страны, упорно не желавшей присоединиться к единому информационному пространству.

Конечно, я мог подать прошение о переводе в другой сектор. Даже не объясняя причин. И прошение это, скорее всего, было бы удовлетворено. Но ряд причин удерживал меня на месте. Во-первых, работать в Российском секторе МЭФа было престижно и интересно – Россия оставалась самой неблагополучной страной в области экологии, и там было где применить наши знания и умения. Во-вторых, мне не могло не льстить то, что я считался одним из лучших специалистов по России. Дело в том, что моя задача заключалась не в мониторинге экологической ситуации и не в разработке новых проектов для ее улучшения. Я должен был уговаривать русских идти с нами на контакт. И, надо сказать, у меня это неплохо получалось. В среднем из шести предложенных мною проектов русские один принимали. В-третьих, работа моя хорошо

оплачивалась, что также немаловажно. И, наконец, самое главное – мне нравилась моя работа. Нравилась настолько, что я не мог даже представить себя занимающимся чем-то другим.

Поэтому я продолжал работать в Российском секторе МЭФа. И как минимум раз в полгода летал в Россию, старательно скрывая ото всех, что там со мной происходит.

Со временем я не то что привык к накатам, но смирился с ними, как с неизбежной профессиональной вредностью.

* * *

Окна в гостиной были закрыты плотными шторами, темно-зелеными с шитыми золотыми нитями узорными «огурцами». Под потолком горела двухъярусная люстра с длинными витыми висюльками, довольно аляписто имитирующими хрусталь.

Сначала я краем глаза заметил, как по шторам пробежало легкое марево, будто раскаленный воздух над жаровней колыхнулся.

Я резко повернулся в сторону окна.

Все нормально. Даже сквозняк шторы не колышет.

Откуда же это ощущение, будто происходит что-то странное?

Тихо звякнули стеклянные висюльки люстры над головой.

Я поднял взгляд.

Вокруг люстры кружилось с десятков голубоватых искорок. Когда одна из них догоняла другую, та отскакивала в сторону, цепляла стеклянную висюльку, и та издавала едва слышный звон.

Я покосился в сторону бара. За стеклянной дверцей стояла спасительная бутылка водки. Но – нет. Накат был пока слишком слабый для того, чтобы использовать радикальные методы. Не накат даже, а так себе, накатишко. Такой можно было перетерпеть, не прибегая к допингу.

Чтобы отвлечься, я взял со стола папку с программой визита.

Сегодня у меня был свободный день. В среду – встреча с заместителем секретаря думского комитета по экологии. То, что для начала только заместитель, – это нормально. Для России – нормально. Русские любят погонять проект по скользким ступенькам бюрократической лесенки. Для кого-то этот зам. секретаря мог стать непробиваемой стеной. Но у меня есть опыт, как обходить такие препятствия.

Краем глаза я заметил, как по стене мимо китайского фонарика пробежала ярко-оранжевая саламандра. Бежит – и пусть себе бежит. Главное, не обращать на нее внимания, сделать вид, будто не заметил. Иначе она остановится и попытается разговор завязать. А то еще и приятелей позовет.

Вечером – неофициальная встреча с представителем общественного движения «Зеленый Мир». В приложенной справке говорилось, что это малочисленная организация, не пользующаяся популярностью среди населения и не имеющая своих представителей в Госдуме. Однако лидеры «Зеленого Мира» поддерживают идею вступления России в единое информационное пространство. Поэтому мне предлагалось оценить, можно ли рассчитывать на то, что со временем «Зеленый Мир» перерастет в политическую партию, лоббирующую интересы единого информационного пространства. Что ж, разберемся.

Я перевернул страничку, чтобы узнать расписание на четверг. И тут накатило по полной программе.

Прямо со странички на меня прыгнула какая-то зверюга с разинутой пастью. Я едва успел увернуться. Зверюга – помесь крокодила, носорога и бабуина – вцепилась клыками в спинку кресла и принялась отчаянно драть ее. Я с размаху огрел тварь папкой по голове и вывалился из кресла.

Обернулся.

Зверюги нет.

Кресла – тоже нет.

А в голове поют хрустальные колокольчики.

Ох, не к добру эти колокольчики.

Не к добру!

Наученный опытом, я знал, что хуже хрустальных колокольчиков может быть только китайская тростниковая флейта.

Стоило только о ней подумать, как тут же послышались протяжные, заунывные завывания.

Та-ак...

Медленно отступая в сторону окна, я настороженно поглядывал по сторонам, дабы не упустить момент начала трансформации.

И – вот оно!

Сперва на поверхности журнального столика появилось темное пятно. Раскручиваясь по часовой стрелки, оно быстро увеличивалось в размерах, превращаясь в глубокую, бездонную воронку. Первой в воронку улетела папка с расписанием визита. Следом за ней соскользнул стакан с недопитым чаем. Затем – большая стеклянная пепельница.

Схватив за ручку саквояж, который тоже начал опасно крениться в сторону черной воронки, я отпрыгнул назад и упал в кресло.

Выскользнувшие из подлокотников бледно-розовые, похожие на гигантских дождевых червей, шланги зафиксировали мои руки и обернулись вокруг живота. Я едва успел кинуть в сторону саквояж – чтобы врагам не достался.

Дернувшись изо всех сил, я порвал один из шлангов, другой намотал на руку, в третий впился зубами.

Кресло подо мной исчезло, и я плюхнулся на пол.

С потолка начала сыпать мелкая снежная крупа. Холодная и противная.

Я высунул язык и поймал одну из крупинок на язык.

– Не ешь меня! – в отчаянном ужасе воскликнула снежная крупинка. – Я тебе пригожусь!

Самое плохое, это когда они начинают говорить. Значит, пора совершить встречный накат.

Я проглотил так не хотевшую умирать снежную крупинку, встал на четвереньки и посмотрел по сторонам.

Где бар?

Бара не было!

Что за черт!

Я же точно помню, что в гостиной был бар!

С сухим хлопком, напоминающим приглушенный выстрел, включился телевизор. Раздвинув руками бегущие по экрану полосы, на меня с укоризной взглянул толстый, с обвисшими щеками диктор.

– И не стыдно тебе?

Только не разговаривать с ними!

Только не разговаривать!

Я на четвереньках пополз прочь от телевизора.

– Ку-уда-ааа!

Диктор по пояс вылез из экрана, протянул длинную, словно раздвижную, ручищу и ухватил меня за щиколотку.

Я дернул ногой, но он держал крепко.

Тогда я перевернулся на спину и что было сил заехал ему кулаком по носу.

Бред полнейший! Драться с фантомом!

Однако сработало.

Диктор выпустил мою ногу и ухватился рукой за расквашенный нос.

– Зар-ра-зз-ааа... – процедил он, зло глядя на меня.

– Сам дурак, – ответил я и, выбросив перед собой руку с дистанционным пультом управления, нажал на кнопку выключения.

Телевизор взорвался, будто внутри его сработал фугас.

Я упал на пол, руками прикрывая голову от летящих во все стороны осколков.

Мне нужен был бар. Нужен позарез. Накат шел по полной программе, и уже было ясно, что самому мне из-под него не выбраться. Но зеленые лианообразные растения опутали всю комнату, так что стен не было видно. Я не имел понятия, в какую сторону ползти, чтобы добраться до бара.

На красном ковре, постеленном на пол, прорисовалась морда тигра. Зверюга сверкнула глазами и хищно разинула пасть с явным намерением откусить мне голову. Я лбом ударил тигра в нос и быстро-быстро пополз на четвереньках куда-нибудь подальше.

Бац!

Я головой ударился об угол журнального столика.

Больно. Но теперь я хотя бы знал, что нахожусь в центре комнаты.

На столике стоял огромный цветочный горшок в плетеном кашпо. Торчавший из него цветок больше всего был похож на невероятно разросшийся куст крапивы со стеблем толщиной в два пальца. Цветок склонился надо мной. Два широких листа с зазубренными краями сложились вместе и, шевелясь и причмокивая, будто губы беззубого рта, потянулись к моему носу.

Ну что за напасть! Этот тоже собрался кусаться.

Я схватил крапивный куст за стебель – руку будто разрядом электрического тока обожгло, – одним рывком выдернул из горшка и как следует встряхнул. На полированную поверхность столика посыпались комья земли.

– Ду-ура-ак! – противно заныл кустик. – Я не крапива, а марихуана!

– Будет прикидываться-то, – криво усмехнулся я.

– Что я тебе плохого сделал?

– А хорошего что?

– Это ты должен обо мне заботиться!

– С чего бы вдруг?

– Потому что ты в ответе за тех, кого приручил.

– Я тебя первый раз вижу.

– Да-а?.. А кто меня в горшок посадил?.. Расти, говорил, расти, набирайся дури!..

– Ты меня с кем-то путаешь.

– Ну да, – саркастически усмехнулся кустик. – Тебя, пожалуй что, спутаешь!

– Я только сегодня приехал.

– И сразу собрался меня замочить!.. Ты – киллер?.. Скажи, сколько тебе заплатили, я дам вдвое больше!..

– Ты бар здесь поблизости не видел?

– Какой еще бар?

– Обычный, с бутылками!

– Ты что, дура-аак? Я ж не пью!

Все, кранты! С несуществующим крапивным кустом разговариваю!

Что делать-то?

Что делать!..

Я затравленно глянул по сторонам.

– Отпусти меня! – потребовал крапивный куст. – А то вернутся мои парни!..

Я ткнул куст в горшок.

– И землицы подсыпь!

– Обойдешься!

– Все, мужи-ик, – мстительно зашипел куст. – Считай, ты – труп!..

И в этот момент зазвонил телефон.

Вот оно!

Я точно помнил, что телефон стоял на полке слева от бара! Точно! Значит, нужно ползти на звук!

И я пополз.

Пригнув голову, пролез под журнальным столиком. Отпихнул в сторону совсем не кстати подвернувшийся под руку саквояж. Раздвинув зеленую поросль, нащупал рукой стену. Медленно поднялся на ноги.

Телефон звонил совсем рядом.

Я запустил руку меж лиан, щелчком откинул покусившегося на мой палец здоровенного богомола и на ощупь нашел телефонную трубку.

Лучше бы это была бутылка водки. Но трубка – тоже хорошо. Телефон – это связь с реальностью. И, поскольку уж телефонная трубка была у меня в руке, я поднес ее к уху.

– Слушаю...

– Здорово! – бодро рявкнул из трубки знакомый голос.

– Привет, Владимир Леонидович, – с облегчением выдохнул я.

Майор Ворный – это человек. Человек с большой буквы! Тот самый Человек, который не даст мне сгинуть в заполонивших номер сюрреалистических джунглях.

– Как дела, Петр Леонидович? – бодро осведомился Ворный.

– Фигово, – честно признался я.

– Что, здорово накатило? – участливо понизил голос Владимир Леонидович.

– Как никогда.

– Да-а... Что-то быстро на этот раз.

– И не говори.

– Так я зайти-то могу?

– Обязан!

– Понял! Что там у тебя на этот раз?

– Джунгли... Крапивный куст с манией величия... Да, еще телевизор взорвался.

– Ох и ни фига себе! – присвистнул Ворный, вроде как с восхищением даже. – Ладно, я ша буду!

– Только ты дверь сам открой, – попросил я. – А то, боюсь, не найду.

– Как скажешь, дружище!

В трубке короткие гудки отбоя.

Все еще сжимая трубку в кулаке, я тяжело опустился на пол.

Сразу с трех сторон ко мне потянулись зеленые стебли лиан.

– Не-а, – усмехнувшись, покачал головой я. – Ничего у вас на этот раз не получится. Сейчас придет майор Ворный, и всем вам наступит кирдык!.. Что, не верите?..

* * *

– Давай, Петр Леонидович... Давай...

В нос шибанул резкий водочный дух.

Я, не глядя, схватил протянутый стакан и залпом выпил. До дна.

А-ах-х-х!..

Перехватило дыхание.

Из глаз слезы покатались.

Сколько там было? Грамм сто? Сто пятьдесят?..

Поставил стакан на пол рядом с собой.

Сел. Поджал под себя ноги.

Рукавом вытер слезы.

Зрение прояснилось.

Отлично. Что тут у нас?

Прямо передо мной – круглая, румяная, улыбающаяся во все щеки физиономия майора Ворного. Сидит на корточках и пялится на мои страдания.

– С приездом, Петр Леонидович!

Я лишь рукой махнул. Поднялся на ноги, сделал два шага и упал в кресло.

Ворный подхватил с пола пустой стакан, поставил его на журнальный столик рядом с початой бутылкой водки, сел в другое кресло, с довольным видом сложил руки на животе и на меня уставился.

– Спасибо, Владимир Леонидович, – вяло пробормотал я.

В нос ударила водочная отрыжка.

Я сорвался с места, схватил открытую бутылку с чаем и стал пить прямо из горлышка.

Отпился.

Перевел дух.

Сделал еще глоток.

Славно...

– Как же ты работать будешь, Петр Леонидович, ежели на тебя уже в первый день так накатывает, что на пол опрокидывает?

Я только поморщился в ответ – говорить мне сейчас не хотелось. Еще глотнув чая, я посмотрел по сторонам, чтобы оценить размеры нанесенного номеру ущерба.

Все оказалось не так уж плохо. Телефонный аппарат валялся на полу с расколотым корпусом, и от массивной стеклянной пепельницы откололся кусок. Зато телевизор, который, как мне казалось, взорвался, оказался целехонек.

Я поднял валявшийся на полу пульт дистанционного управления и кинул его на столик. Прихватив бутылку чая и чистый стакан, я вернулся за стол.

– Здорово накатило? – спросил Ворный.

Я молча кивнул.

То ли я еще не до конца отошел от шарахнувшего так внезапно по голове глюка, то ли гроза приближалась, но мне показалось, что из окна, промеж неплотно задернутых штор, в комнату лезет сероватый сумрак. И это было нехорошо. Очень нехорошо. Потому что сумрак мог в один миг обернуться черт знает чем.

– Ну, ладно! – майор Ворный решительно взялся за бутылку с водкой и одним умелым движением свинтил с нее пробку. – Давай-ка и мы тогда накатим!

Владимир Леонидович поровну плеснул в оба стакана, себе и мне. Взяв свой стакан, Ворный посмотрел на меня сквозь стекло.

– Рад тебя видеть, Петр Леонидович, – сказал он с таким убийственно серьезным видом, что это могло и за издевку сойти.

Но я знал, вернее, почти не сомневался в том, что Ворный говорит от чистого сердца.

Мы чокнулись и разом опорожнили стаканы.

Кстати, то, что мы с майором Ворным оба Леонидовичи, ровным счетом ничего не значит. Ну, просто так случилось. В жизни и не такие совпадения бывают.

Ворный взял бутылку чая и запил прямо из горлышка.

– Вот как? – прищурившись, посмотрел он на меня.

– Нормально, – кивнул я. – Отпускает.

– Ну и славно.

На всякий случай Ворный снова наполнил стаканы. Но пить мы пока не стали.

В голове у меня все еще пели хрустальные колокольцы, но звон их уходил все дальше и становился все тише. По телу разливалась приятная истома. Но спать не тянуло. Наоборот, хотелось заняться чем-то дельным.

– Ну, что нового в едином информационном пространстве? – так, между прочим, поинтересовался Ворный.

– Отдельные умельцы осваивают полет без крыльев, – ответил я.

– Да ну? – искренне удивился Ворный. – Это как же?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – Но как-то выходит.

– Вот-вот, – с укоризной кивнул Ворный. – Сами не ведаете, что творите.

– Снова ты за свое, Владимир Леонидович. – Я скривил губы в вымученной усмешке.

– А что, попробуй скажи, что я не прав! – тут же вскинул брови майор. – Вы же понятия не имеете, как работают эти ваши уины!

– Общий принцип известен, – не очень охотно возразил я.

Всякий раз, на протяжении без малого пяти лет, встречаясь, мы начинали этот разговор. Новых аргументов ни у меня, ни у Ворного с тех пор не появилось. Однако каждый продолжал упорно – уперто! – отстаивать свое мнение.

– Общий принцип, – передразнил меня Ворный. – И что дальше?

Я поднял стакан и коснулся им края стакана майора.

– Ты, Владимир Леонидович, тоже не знаешь сути химического процесса расщепления алкоголя. Однако ж это не мешает тебе водочку употреблять.

– Водочка – это совсем другой коленкор, – деловито улыбнулся Ворный.

Майор поднял свой стакан, и мы выпили.

В голове поплыл серебристый, мерцающий туман. Хороший знак – можно расслабиться, нового наката сегодня уже не будет.

– Водочка, – продолжил свою мысль Ворный, – она ведь человечеству не одну сотню лет верно служит. Все, можно сказать, на опыте поколений проверено. Она, между прочим, и тебе если не жизнь, так разум спасает.

– Если бы Россия присоединилась к единому информационному пространству... – начал было я.

– Если бы Россия присоединилась к вашему долбаному пространству, – перебил меня Ворный, – так не было бы уже России. А может быть, и вообще ничего не было. Стояли бы на голой матушке-Земле только башни ваши информационные.

Я откинулся на спинку стула, кулаком подпер щеку и насмешливо посмотрел на майора.

– Ты, Владимир Леонидович, когда последний раз за кордоном был?

– Не так давно! – с вызовом дернул подбородком Ворный. – С полгода назад. И не по служебной необходимости – детей в «Диккенс Уорд» возил. Старший в прошлом году Диккенса в школе проходил, ну, вот я и решил...

* * *

Тут надо сказать, что майор Ворный не просто так себе майор, а майор Госбезопасности. И его прямая обязанность – за гостями закордонными присматривать. За мной в том числе.

Как получилось, что я со своим соглядатаем за одним столом сижу и водку пьянствую?

Во время второго моего визита в Москву меня скрутило по-настоящему. Не то что в первый раз. Я в это время находился в конференц-зале гостиницы «Депутатская», где проходила презентация нового проекта восстановления плодородных земель Краснодарского края, предложенного Мировым экологическим форумом. Почувствовав себя плохо, я еще успел выйти

из зала и дойти до туалета. Там-то на меня и накатило. Сначала мне привиделось, что кафельные плитки облетают со стен, кружатся вокруг меня, будто бумажные голубки, и так и норовят клюнуть кто в лоб, кто в глаз. Отмахиваясь от плиток, я отступил к туалетной кабинке. Вынырнувшая из унитаза анаконда обвилась вокруг ног и повалила меня на пол. Я попытался встать, но руки по локоть провалились в странное месиво, напоминающее полузастывший алебастр.

Наверное, я закричал. Потому что поджидавший меня у дверей майор Ворный забежал в туалетную комнату. Увидев, как я корчусь на полу, он подхватил меня под руки, оттащил к умывальникам и усадил на мягкую скамеечку, под зеркала.

– Эж, как на тебя накатило-то, – с сочувствием покачал головой Владимир Леонидович. – Ну-ка, давай еще сверху накатим.

Позже майор Ворный рассказал:

– Ну и дурной же ты был тогда, Петр Леонидович. Так сразу и не поймешь: не то чертей ловишь, не то католиков гоняешь. Ну, я решил, что это у тебя с бодуна отходняк такой тяжелый. У вас-то, в закордонье, сухой закон, поэтому многие, как только к нам попадают, сразу квасить давай.

Ну а решив, что это мне с похмелья так плохо, сердобольный майор Госбезопасности достал из потайного кармашка плоскую фляжку с президентским профилем на блестящем боку, отвернул с нее крышечку и дал мне хлебнуть коньячку из своего энзэ.

Пил я на автомате, не соображая, что делаю. После трех хороших глотков весьма неплохого коньяка мне, как ни странно, полегчало. Но для того, чтобы довести все до ума, нужно было накатить как следует. И мы вместе с майором Ворным поехали в гостиницу, где я жил.

В тот вечер, открыв для себя целительную силу алкоголя, я основательно опустошил запасы бара в гостиничном номере. Владимир Леонидович от меня не отставал. Впредь мы себе такого уже не позволяли. Но в тот вечер мы сначала перешли на «ты» – хотя и продолжали называть друг друга по имени-отчеству, – потом поговорили о футболе – Ворный эту игру любил, я же был к ней абсолютно равнодушен, – о женщинах – которых любим, – о детях – которые имелись только у Ворного, – о начальниках, которые мешают нам жить – ну куда ж без них, – об информационных башнях, странной, на мой взгляд, российской политике неприсоединения к единому информационному пространству... В общем, прошлись по порядку по всем приличествующим случаю темам. И под конец, как-то очень легко и просто, Владимир Леонидович признался, что служит в Госбезопасности, в отделе Информационных диверсий и к тому же вовсе не случайно оказался у дверей туалета, в котором на меня накатило.

– Ты не думай, что это я по пьяни разоткровенничался, – повторил он раз семь. – Нас в гэбэ учат пить так, чтобы не пьянеть. Специальная наука есть, грапулогия называется, не слышал?... Ну, вот знай теперь... Я и в первый твой приезд за тобой приглядывал... Ага, а что ж ты думал?... Но ты же нормальный мужик, наш, русский!.. Ну и что, что живешь в этой ж... Ну, в смысле, за кордоном?... Какому коренному буржую водка в себя прийти поможет? А? Скажи мне?... Вот то-то и оно! Ты – наш! Поэтому я и решил: с тобой по-нормальному можно... Ну, в смысле, просто поговорить, выпить...

Не был майор Ворный похож на наивного мальчика и, надо полагать, не надеялся на то, что я поверю его объяснениям. Он четко отработывал обязательную программу. В конце концов, для того, чтобы следить за мной, совсем не обязательно было посылать майора Госбезопасности. Майору нужен был личный контакт. Что ж, меня это устраивало. Грехов за мной никаких не водилось, я выполнял свою работу в строгом соответствии с договоренностью между правительством России и МЭФом. Поэтому мне было куда как спокойнее общаться с майором Ворным, человеком образованным и в общении приятным, нежели ловить косые взгляды и в каждом встречном подозревать соглядатая. Если общение со мной может принести Владимиру Леонидовичу какую-то пользу, что ж, я не против.

Чего я поначалу никак не мог взять в толк, так это какой интерес представляет моя скромная персона для российской Госбезопасности? В первые приезды я вообще только с лекциями выступал, о новых программах МЭФа рассказывал. Я так напрямую и спросил у Владимира Леонидовича: ну какой из меня шпион?

Ворный объяснил, что дело тут вовсе не в шпионаже – «Ты что думаешь, я бы вот так водку пил со шпионом?» – Госбезопасность присматривает за всеми, кто прибывает в Россию из-за кордона. Даже за своими, кто туда по работе или отдыхать ездил. Все дело в том, что Россия, как известно, упорно не желает допускать на свою территорию информационные нанотехнологии, изменившие жизнь всего остального мира, в котором нет больше ни границ, ни закрытых территорий. А в последнее время, если верить майору Ворному, в России то здесь то там, чаще всего в отдаленных, малообжитых районах, вроде как сами собой стали прорастать информационные башни.

Собственно, и у нас все так же начиналось: сначала – информационные башни, следом за ними – универсальные информационные носители, ну а уж потом – единое информационное пространство. Русские сразу же выставили санитарный кордон – распахали километровую полосу вдоль всей границы и, как только на ней информационная башня расти начинает, тут же ее выкорчевывают – заливают жидким азотом.

– Мы знаем, как происходит естественное перемещение спор информационных башен, – говорил мне майор Ворный. – Если бы даже каким-то чудом им удалось проникнуть за наш санитарный кордон, то башни начали бы расти вдоль границ. Так нет же! – в сердцах хлопал ладонью по столу Владимир Леонидович, так, что рюмашки подскакивали. – Ростки башен появляются в глубине нашей территории! Как правило, в местах с невысокой плотностью населения. Чтобы, выходит, не сразу их обнаружили. И что это значит?

– Что это значит? – тупо повторял я вопрос майора.

– А то и значит, что кто-то, вернее, сволочь какая-то, завозит споры контрабандой. И рассеивает их тут у нас!

Бац!

Кулак Владимира Леонидовича впечатывается в столешницу.

– А при чем тут я?

– При том, дружище, – Ворный клал мне руку на плечо, наклонялся поближе и шептал в самое ухо, – что обычные туристы в крупных городах толпятся. Москвы, Питера, Вологды и Новосибирска им за глаза хватает. В глухие углы лезут только любители экстрима и вы! – он больно тыкал меня пальцем в грудь. – Юные натуралисты. Вот и получается, что экстремалы и экологи у нас – две основные группы риска. Поэтому мы и присматриваем за вами особо.

– Чушь! – возмущенно тряс головой я.

Ворный таинственно улыбался и укоризненно грозил мне пальцем. После чего брал бутылку и наполнял рюмашки.

– Ну, давай накатим...

* * *

– Вот видишь, – сказал я, продолжая начатый разговор. – А между тем «Диккенс Уорд» создан с помощью все тех же информационных нанотехнологий.

– Ну и что? – безразлично дернул плечом Ворный. – У нас под Архангельском церковь стоит, без единого гвоздя построенная.

– А при чем тут это? – не понял я.

– При том, что церковь одним топором срубить труднее, чем парк развлечений с помощью нанороботов склепать.

– По-твоему выходит, смысл жизни заключается в преодолении трудностей?

– Смысл жизни заключается в том, чтобы быть уверенным в себе и завтрашнем дне! – пафосно изрек Ворный.

Не новость – это я от него уже слышал.

– Люди, живущие в едином информационном пространстве, имеют все необходимое...

– Не имеют, а получают, – уточнил Владимир Леонидович.

– Пусть так, – не стал спорить я. – Какая разница?

– Вы разучились делать что-либо сами, своими руками.

– Для того чтобы чем-то себя занять, совсем не обязательно топором махать. Существуют наука, искусство, творчество... Тот же «Диккенс Уорд» создан с помощью информационных нанотехнологий, но придумали и спроектировали его люди.

– Ну-ну, – ехидно усмехнулся Ворный. – Ты лучше подумай о том, что, если в один прекрасный день информационные башни исчезнут, вы останетесь с голыми задницами и без куска хлеба.

– С чего вдруг информационные башни должны исчезнуть? – искренне удивился я.

– А с чего вдруг они появились двадцать лет назад? – вопросом на вопрос ответил Ворный.

На сей счет существовала общепринятая теория, но мне не хотелось ее пересказывать. Тем более что Ворный наверняка ее знал. Тем не менее он ждал ответа. Поэтому я решил отделаться общими фразами:

– В какой-то момент в развитии новых направлений науки и техники, главным образом компьютерных, информационных и нанотехнологий, произошел качественный скачок, результатом которого стало появление первых информационных башен.

– Ага, – Ворный многозначительно кивнул и расплескал водку по стаканам. – А кто конкретно их создал?

Я взял свой стакан.

– Появление первых информационных башен стало результатом самоорганизации высокоинформативных наносистем.

– В Средние века люди тоже верили в то, что мухи самозарождаются в куске гнилого мяса.

Ворный поднял свой стакан.

Мы чокнулись и выпили.

– На сегодня достаточно, – сказал я, ставя пустой стакан на стол.

– Как скажешь, – кивнул Ворный. – Так что насчет витализма?

– То, о чем я говорю, скорее уж ближе к синергетике.

– Да как хочешь называй, – махнул рукой Ворный. – Все равно туйфта.

– Почему?

– Потому что ни один нормальный человек не поверит в то, что сотня-другая нанороботов, случайно оказавшихся в одной банке, смогли самоорганизоваться настолько, что начали воспроизводить сами себя и самосовершенствоваться, а в конце концов пришли к мысли, что для блага всего человечества пора начать возводить информационные башни.

– У тебя есть другая гипотеза?

Глупо спрашивать – конечно, есть!

– Это начало вторжения, – с невообразимо серьезным видом изрек майор Ворный.

– Ага, – насмешливо кивнул я.

– А ты не агакай, – прищурился Владимир Леонидович. – Лучше сам мозгами пораскинь. Откуда взялись информационные башни, плодящие уинов, которыми набито твое тело, никто не знает. Как они функционируют – неизвестно. Какова их конечная цель – загадка. Сейчас уины восстанавливают поврежденные клетки твоего организма, что чисто теоретически гарантирует тебе личное бессмертие. Но что, если в какой-то момент эти самые уины начнут жрать

тебя изнутри? Прикинь, за сколько часов они съедят все человечество, находящееся в едином информационном пространстве?

– Это похоже на дешевый ужастик.

– А тебе дорогой нужен? Со спецэффектами?

– Если конечная цель уинов – уничтожить нас...

– Не самих уинов, – уточнил Ворный. – А тех, кто их на Землю забросил.

– Пусть так, – согласился я. – Но почему они тогда сразу не разделались с нами?

– Потому что им нужен весь мир, – Ворный нарисовал руками большой круг. – Вся Земля.

Разом. Для того они и прикидываются паиньками, чтобы мы бдительность потеряли и сами им горло подставили.

Я усмехнулся:

– Выходит, Россия – последний оплот человечества?

– Выходит, что так, – не понял, а скорее всего, не захотел понять моей иронии Ворный. –

Иначе чего бы они так старались к нам пролезть.

– Кто?

– Павел Леонидович, не пытайся ты выглядеть глупее, чем есть, – недовольно поморщился Ворный.

– Пришельцы, – кивнул я.

– Да кто бы ни был, – Ворный шелкнул ногтем по краю стакана. – Главное, что мы их не звали.

– Слушай, может, обещешь меня, – дурачась, я поднял руки. – Глядишь, где-нибудь под подкладкой найдешьвшитую ампулу со спорами информационных башен.

Владимир Леонидович укоризненно покачал головой.

– Если бы был способ обнаружить споры, мы бы еще на таможне всех вас проверяли. Но они ж, сволочи, под что угодно маскируются.

– А еще есть старый, проверенный способ провоза контрабанды внутри собственного организма, – напомнил я.

– Не проходит, – отрицательно качнул головой Ворный. – Внутри человеческого организма споры информационных башен теряют всхожесть.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Дружище, – усмехнулся Ворный. – Мы в гэбэ не за красивые глаза зарплату получаем.

И не в уинах, заметь, а в рублях, – ну, естественно, в чем же еще, если из денег во всем мире только рубли и остались. Сей факт, Петр Леонидович, установлен научным путем.

– Опыты ставили?

– Конечно. Вы-то там у себя не додумались.

– На животных?

– И на людях тоже. Не только ж ваши туристы к нам приезжают. Наши тоже за кордон ездят. Я вот сам недавно...

– Да, да, – быстро кивнул я. – Ездил с детьми в «Диккенс Уорд»... Говорил уже... А как тебе после этого уины из организма выгоняли?

– Я что, на идиота похож? – обиделся Ворный. – Зачем же я стану эту дрянь себе по венам пускать? Вот, смотри.

Владимир Леонидович достал из кармана и положил передо мной на стол небольшой предмет, похожий на одноразовую зажигалку. Корпус из темно-фиолетового пластика. С одной стороны клапан врезан, с другой – откидывающаяся крышка. Под крышкой – небольшое округлое углубление, покрытое тонким слоем похожего на латекс материала.

– Что это? – непонимающе посмотрел я на Ворного.

– Контейнер для хранения вашей валюты.

Владимир Леонидович взял меня за руку и повернул ее так, чтобы стал виден уин-перстень на безымянном пальце.

Точно! Под крышкой контейнера такое же углубления для дозатора, как и на моем перстне.

– То-то я удивился, когда шофер в такси предложил мне уинами расплатиться. – Я вернул Ворному контейнер.

– Понятное дело, – усмехнулся Владимир Леонидович. – Уины у нас сейчас идут по рублю за штуку.

– У нас – по два.

– Поэтому и предлагают, что у нас менять выгоднее.

– А я думал...

Я в растерянности постучал пальцами по краю стола.

– Что?

– Думал, вы тоже начали уины по прямому назначению использовать.

– Да как же мы их можем использовать, если мы вне информационного поля? – удивился Ворный. – У нас уины себе по вене только полные дегранты и недоумки пускают. В поисках нового кайфа. Те же глюки, как и у тебя, только в более легкой форме.

– Неужели это кому-то может нравиться? – Не знай я Владимира Леонидовича, решил бы, что шутит.

– А ты с собой-то не сравнивай, – усмехнулся Ворный. – У тебя концентрация уинов в крови в миллионы раз выше, чем у наших дуриков. Поэтому и долбит тебя не по-детски.

– А остальных чего ж тогда не долбит?.. Ну, в смысле, туристов, которые из-за кордона приезжают?

– Долбит, только по-своему, – улыбнулся Ворный. – Им уины мозги иначе засерают. Им кажется, что у нас все такой же гадюшник, как и во времена развитого социализма. Помнишь, как у Оруэлла? Три бритвенных лезвия на год, жирные пятна на столах в общественных столовых, перегоревшие лапочки в подъездах... Искажение картины восприятия действительности по полной программе. А знаешь, зачем это нужно?

– Зачем? – спросил я на автомате, хотя думал совсем о другом.

– А затем, дружище, чтобы вы, бестолочи закордонные, считали, что мы, русские, живем в бараках, по горло в собственном дерьме и вытянуть нас оттуда для вас первейший долг и святая обязанность. Все равно что китов, выбросившихся на берег, спасти. Сами не понимаем, отчего они на берег выбрасываются, но при этом считаем, что лучше любого кита знаем, что для него благо, а что нет. Люди хватают китов за хвосты и волокут их обратно в море. А вы к нам споры информационных башен завозите, полагая, что тем самым нас от самих себя спасаете... Что, Петр Леонидович? Скажи, что я не прав!

Владимир Леонидович хотел поспорить. Бывает у него такой настрой: что ему ни скажешь – он тут же в оппозицию. Но меня интересовало другое.

– Почему же тогда я вижу не грязь и разруху, а нечто вообще запредельное? – я развел руками, подчеркивая свое недоумение. – Я сегодня с крапивным кустом ругался... И из телевизора на меня кто-то лез...

– Все очень даже просто, дружище, – Владимир Леонидович посмотрел на меня добрым взглядом врача, поставившего пациенту смертельный диагноз. – На тебя эта дурь действует иначе, потому что ты русский.

– Я родился в Бельгии.

– Ну и что? Русский – это не национальность и не диагноз. Русский – это особый стиль мышления и, если хочешь, взгляд на жизнь.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. Вы там у себя живете и ни о чем не думаете, только радуетесь, что уины из ваших организмов раковые клетки да холестериновые бляшки вычищают. А мы у себя, дружище, серьезные научные исследования проводили. И выяснили, что уины, помимо всего прочего, воздействуют на мозговую деятельность.

– Тоже мне новость, – насмешливо хмыкнул я. – Уины усиливают мозговую активность, повышая уровень интеллекта отдельно взятого индивида и заметно улучшая память. Я, например, дома давно уже не пользуюсь записной книжкой – все адреса и телефоны держу в памяти. Также они снимают стрессовую нагрузку и депрессивное воздействие отрицательных эмоций.

– Уины зомбируют людей. Они могут заставить человека видеть то, чего на самом деле нет, или вспоминать события, которые с ним не происходили. Кроме того, они влияют на оценочную позицию. В зависимости от обстоятельств уины могут заставить человека воспринимать одно и то же событие как со знаком плюс, так и со знаком минус. При этом человек уверен в том, что это его собственное мнение.

– Трудно в это поверить.

– Трудно. Особенно когда в твоём собственном мозгу уины кишмя кишат.

– Ладно, при чем тут мои галлюцинации?

– Чтобы понять и оценить воздействие уинов на психику, мы постепенно поднимали их концентрацию в организме испытуемых. Уины не разумные существа, они действуют в строгом соответствии с заложенной в них программой. Они концентрируются в строго определенных мозговых центрах и либо блокируют прохождение нервных импульсов, либо, наоборот, усиливают их. Примерно так же воздействуют на мозг наркотические и галлюциногенные препараты, только действие уинов более избирательное. Люди, как выяснилось, реагируют на активность уинов по-разному. В основном можно выделить три типа реакции. Первый тип людей с легкостью отдает свой разум под контроль уинов. Раз согласившись принять мир таким, каким показывают его им уины, они после этого живут спокойно и легко, ни о чем не задумываясь, ни в чем не сомневаясь и не зная проблем. Что характерно, Петр Леонидович, таких людей, как выяснилось, подавляющее большинство. Даже у нас, в России. Поэтому можно предположить, что именно они и являются целевой, так сказать, аудиторией уинов. Люди, относящиеся ко второму типу, пытаются неосознанно сопротивляться влиянию уинов. Это скептики, параноики и конспирологи. Они не понимают, что происходит вокруг, и, чтобы не спятить окончательно, выстраивают собственные, зачастую совершенно бредовые теории. На мозг людей третьего типа уины действуют как галлюциноген. В небольших количествах они вызывают эдакое легкое искажение картины действительности, которая, как правило, кажется приятной и даже забавной. С повышением концентрации уинов галлюцинации становятся все более тревожными и пугающими. В особо тяжелых случаях, как у тебя, Петр Леонидович, видения оборачиваются кошмарами, способными вызвать необратимое поражение мозга. Такое впечатление, что уины имеют установку убивать тех, кто не подчиняется их воздействию. Так что имей в виду, всякий раз прилетая в Россию, ты рискуешь если не жизнью, то уж рассудком точно.

– И ты говоришь мне это только сейчас? – Я попытался улыбнуться. И у меня это даже почти получилось.

То, что рассказывал Владимир Леонидович, звучало настолько невероятно, что в это невозможно было поверить. Да что там – смахивало на откровенную глупость. Но, с другой стороны, майор Ворный был не настолько глуп, чтобы верить в то, что я приму все это за чистую монету. Так чего же он хотел добиться, скармливая мне откровенную чушь?

– Мы сами только недавно об этом узнали. – Ворный передвинул зачем-то недопитую бутылку водки на край стола, как будто это была ладья на шахматной доске.

Я проследил взглядом его движение.

– А при чем тут водка?

– Хочешь выпить? – удивленно посмотрел на меня Владимир Леонидович.

– Нет, – я сделал отрицательный жест рукой. – Почему водка снимает галлюциногенный накат?

– Ты про Распутина слышал?

– Про писателя?

– Нет, про того, что при дворе Николая Второго ошивался.

– Ну, что-то слышал. Хотя особо не интересовался.

– То, что компашка юсуповская его никак убить не могла, знаешь?

– Да.

– А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что дураки они все там были и к убийству подошли по-дилетантски. Они ему цианистый калий в пирожные насыпали, а синильную кислоту в вино влили. А надо было все наоборот сделать. Потому как действие цианистого калия нейтрализуется глюкозой, а синильной кислоты – алкоголем.

– Ну я-то не Распутин.

– Понятное дело, – изобразил усмешку Ворный. – Спиртовые молекулы воздействуют на те же мозговые центры, что и уины. И даже вытесняют этих тварей с насиженных мест. Вот, держи, – Владимир Леонидович кинул на стол блестящую полоску фольги с закатанными в нее десятью маленькими круглыми таблетками. Никакой маркировки на упаковке не было. – Это антидот, разработанный в нашей лаборатории. Теперь, как накатит, можешь вместо того, чтобы водку пить, таблетку принять. Удовольствия, понятное дело, никакого, но эффект тот же самый.

Я с сомнением покрутил странную упаковку таблеток в пальцах.

– Бери, бери, – подмигнул Владимир Леонидович. – В продажу такие не поступают.

– Знаешь, что мне кажется странным? – Я машинально сунул таблетки в карман.

– Не знаю. Говори.

– То, что глюк на меня накатывает только в России.

– А что тут странного? – пожал плечами Ворный. – Оказавшись вне зоны единого информационного пространства, уины в твоём мозгу испытывают резкий дискомфорт и начинают активно понуждать тебя вернуться под сень родных информационных башен. Они стимулируют определенные участки мозга, в результате чего человек начинает испытывать крайне неприятные ощущения. А проявляется это по-разному. Одному кажется, что он попал в клоаку, на другого глюк накатывает.

Логично вроде бы, но все равно не верю.

– А какое это к тебе имеет отношение?

– Ко мне? – удивленно приподнял брови Владимир Леонидович.

– К твоей работе, – уточнил я.

– А, ты об этом... – Он вроде как забыл, о чем мы вообще разговариваем. – Информационные башни размножаются либо усами, либо спорами. Усы они больше чем на километр протянуть не могут, мы их на санитарном кордоне рубим. Споры могут разноситься ветром на гораздо большие расстояния. Но фокус в том, что развиваться спора информационной башни начинает, только когда оказывается в зоне информационного поля. Пусть очень слабого, пусть совсем ненадолго – но именно воздействие информационного поля является толчком к началу развития споры. Без него она просто соринка, мусор... Ты знал об этом?

– Нет, – честно признался я.

– Вот видишь, – с укоризной качнул головой Владимир Леонидович. – Мы о ваших информационных технологиях больше вас самих знаем. Ну, скажи мне, куда это годится?

Мне совершенно не хотелось обсуждать этот вопрос.

– Меня лично существующее положение дел устраивает, – ответил я в меру конкретно и максимально обтекаемо.

– Понял, – кивнул Владимир Леонидович. – А вот меня – нет. Поэтому ты работаешь в Мировом экологическом форуме, а я – в Российской Госбезопасности. И знаешь, Петр Леонидович, я считаю, что непрекращающиеся попытки нелегально засадить Россию информационными башнями есть не что иное, как диверсия против моей страны. И в меру своих сил и способностей буду с этим бороться.

Взгляд у майора Ворного при этом был такой, что мне хотелось не просто отвернуться, а под стол залезть, чтобы вообще его не видеть.

– Ты так это говоришь, будто в чем-то меня подозреваешь.

Я посмотрел на бутылку, стоявшую на углу стола. Тянуться далеко, а то бы непременно себе налил. А Ворному – не стал бы. Если хочет, пусть сам себе наливает.

– Если бы я тебя подозревал, Петр Леонидович, то мы бы сейчас с тобой не здесь разговаривали.

– Так что тогда?

Ворный оперся руками о колени и медленно поднялся на ноги. Заложил руки за спину, подошел к стене и стал внимательно рассматривать висевшую на ней репродукцию Проваторова. Мне лично Проваторов нравится, но для гостиничных номеров его картины, на мой взгляд, слишком мрачны. Хорошо, что во время наката я к ней спиной находился. В прошлый раз, помнится, изображенный на ней жилистый тип пытался мне удавку на шею накинуть.

– Ты не допускаешь, что тебя могут использовать? – не оборачиваясь, спросил Ворный.

– Использовать? – растерянно переспросил я. – Кто?

– Не знаю, – едва заметно пожал плечами Владимир Леонидович.

– Использовать... А с какой целью?

– Ясное дело с какой.

Ворный развернулся на каблуках, медленно подошел к столу, посмотрел на меня сверху вниз, достал из кармана и протянул сложенный вчетверо листок.

– Что это? – не касаясь бумаги, вопросительно посмотрел я на Владимира Леонидовича.

– Список мест, которые ты посещал во время своих предыдущих визитов. Ты ведь не только с министрами встречаешься, но еще и по стране ездешь.

– Это моя работа. Оценка экологического состояния...

– Меня, Петр Леонидович, твоя работа не колышет, – перебил Ворный. – Мне другой факт интересен. В каждом месте, где ты побывал, спустя какое-то время проводилась операция по уничтожению проростков информационных башен.

Поскольку я по-прежнему не брал протянутый мне листок, Владимир Леонидович кинул его на стол.

– Ты хочешь сказать... – медленно начал я и умолк.

– Ну-ну, продолжай, – подбодрил меня Владимир Леонидович.

Он снова сел и сложил руки на груди.

– Нет... – Я покачал головой. – Нет! – Я протестующе взмахнул перед собой рукой. – Я не верю!

– Чему? – удивленно поднял брови Владимир Леонидович, в результате чего лицо его приобрело выражение крайней наивности.

Казалось, обидеть такого человека ничего не стоит. Но это было серьезное заблуждение.

– Ты обвиняешь меня в том, что я завожу к вам в страну споры информационных башен?

– Не кипятись, – усмехнулся Владимир Леонидович. – В этом-то я тебя как раз обвинять не собираюсь. Споры, оказавшиеся вне зоны информационного поля, за два-три месяца полностью теряют всхожесть. Я думаю, что ты, дружище, можешь являться тем самым катализатором, который пробуждает их к жизни.

– Я?.. Каким образом?

– Пока не знаю. Но факты, дружище, это такая штука, с которой трудно спорить. Вот например, – Владимир Леонидович двумя пальцами взял за уголок лежащий на столе листок. – Смотри, апрель позапрошлого года. Ты ездил в Сызрань... Напомни, что ты там делал?

– Проблема защелачивания почв, – ответил я.

– Верно, – улыбнувшись, кивнул Ворный. – Ты там был с компанией наших экологов. Единственный представитель МЭФа, прибывший из-за кордона. А спустя восемнадцать дней после того, как ты покинул Сызрань, там проводилась спецоперация по уничтожению информационных башен. Двадцать три штуки выкорчевали.

– По-твоему, это моя работа?

– Не исключено.

– Ну так арестуй меня! – Я в сердцах хлопнул ладонью по столу. – Какого черта...

– Успокойся, Петр Леонидович, пока я тебя ни в чем не обвиняю.

– Пока?

– Пока.

– Пока – это сколько?

– Это пока нет фактов, подтверждающих твою виновность. Пока я считаю, что тебя используют так, что ты сам об этом не знаешь. Ты не думай, Петр Леонидович, ты не какой-нибудь уникум. У нас целый список таких же, как ты, ездящих по всей стране послов доброй воли, за которыми тянется след из пророчков информационных башен.

– И что вы собираетесь в связи с этим предпринять?

– Для начала пытаемся понять, как это происходит. Поскольку сам человек, даже нашпигованный уинами, как подстреленная утка дробью, не является источником информационного поля, значит, у него при себе должно быть некое устройство, генерирующее узконаправленный, очень короткий импульс. Будь иначе, мы бы его засекли.

– Хочешь обыскать мои вещи? – Я сделал приглашающий жест в сторону саквояжа, который даже не начал разбирать.

– Ну что ты, – укоризненно нахмурился Ворный. – Мы ведь доверяем друг другу. – Он сделал паузу, как будто хотел удостовериться, что я не стану возражать. – Так ведь, дружище?

– Так, – кивнул я.

А про себя подумал: что он от меня хочет? Почему не говорит напрямую?

– Что ты сам обо всем этом думаешь?

– Ничего, – качнул головой я.

– Так-таки ничего?

– Меня это не касается.

– Уверен?

– Да.

– Ну что ж, – Владимир Леонидович вроде как с сожалением развел руками. – Ладно, давай свое расписание.

Я молча подтолкнул ему папку с программой визита.

Майор Ворный раскрыл папку, двумя руками взял лист бумаги с красивой виньеткой.

– Ага... Значит, на этот раз у нас в плане Облонские болота. – Владимир Леонидович глянул на меня поверх края листа. – Не был прежде в Облонске?

– Зачем спрашиваешь, если сам знаешь? – недовольно буркнул я.

– Для порядка, – ответил Ворный. – Я тоже не был. Говорят, красиво там... У тебя копия есть?

– Нет.

– Тогда я сделаю копию и тебе по пневмопочте пришлю. Договорились?

Не дожидаясь моего ответа – да и не нужен он ему был, по большому-то счету, – Владимир Леонидович сунул папку с планом моего визита себе под мышку.

– Ну, будь здоров, Петр Леонидович, – Ворный встал и протянул мне руку. – Завтра вечером я к тебе заскочу, если не против. Лады?

– Лады, – я приподнялся и пожал майору руку.

Владимир Леонидович заговорщицки подмигнул и направился к двери.

– Да, и вот что еще... – обернулся он с порога. – Ты с этими типами из «Зеленого Мира» будь поосторожнее.

– В каком смысле? – не понял я.

– Да это я так, на всякий случай. – Владимир Леонидович улыбнулся, махнул рукой и вышел за дверь.

Тихонько чмокнул дверной магнитный замок.

Я остался один.

Один на один с недобрыми мыслями.

Разговор с майором Ворным меня совершенно не вдохновил.

Я достал из кармана часы. Сухо щелкнула открывшаяся крышка. Маленькая стрелка с завитушками вокруг острого конца подбиралась к шести. Делать было совершенно нечего. Поэтому можно было просто лечь спать. И попытаться обо всем забыть.

* * *

Утро среды выдалось пасмурным. По серому небу плыли тяжелые, пропитанные влагой тучи, из которых в любой момент мог хлынуть дождь. Но проснулся я, как ни странно, в отличном настроении. Вчерашний разговор с майором Ворным не выветрился из памяти, но утром, на свежую голову, многое из того, что он говорил, стало восприниматься иначе. Собственно, вчера не произошло ничего из ряда вон выходящего. Да, Ворный чаще, чем обычно, задавал вопросы, на которые у меня не было ответов. Неприятные, прямо скажем, вопросы. Но тут уж ничего не поделаешь – работа у него такая. Ему это, может, и самому неприятно. Но долг, как говорится, превыше всего.

Заказав завтрак в номер, я принял душ, после которого окончательно воспрял духом.

Мне еще в душе начало мерещиться, будто по плиткам на стене скользят странные, ни на что не похожие, но при этом почему-то кажущиеся до боли знакомыми тени. Потом, причесываясь у зеркала, я стал различать тихие голоса. Шепот у себя за спиной. Переговаривались двое. Один, насколько я мог понять, на что-то подбивал другого. Другой же пытался его отговорить. К тому времени, когда я сел за стол, мне стало окончательно ясно, что эти двое замышляют убийство. И убить они намерены не абы кого, а меня, любимого. Чем уж я им так досадил – вопрос отдельный. Но спор их, как выяснилось, касался метода, каковым планировалось меня умертвить.

Зловещие тени скользили по полу, стенам и потолку, становясь все более реальными и плотными. Я все еще не мог их опознать, хотя они уже начинали приобретать объем.

Дождь, ударивший в оконное стекло, отозвался в ушах грохотом оружейной пальбы.

Вспучился лежавший на полу ковер – кто-то большой и толстый полз под ним, нацелившись на мои ноги.

Ждать продолжения не стоило. Возможно, кому-то и было бы интересно, чем все закончится, но я таких представлений видел множество и точно знал, что ничем хорошим это обернуться не может. Поэтому я кинул в рот одну из таблеток, оставленных майором Ворным, и запил ее боржоми.

Не прошло и трех минут, как накат сгинул, так и не успев развернуться по полной. Как ночной кошмар после пробуждения.

Собственно, уже за это стоило сказать Владимиру Леонидовичу спасибо. Обычно поутру накаты не бывают сильными. Для того чтобы сбить их, достаточно одной-двух рюмок коньяку. Но сегодня мне хотелось, чтобы во время встречи с заместителем секретаря думского комитета по экологии голова была свежей, а сознание ясным.

Русские любят проводить неофициальные встречи, как они выражаются, «на нейтральной территории». Сей эвфемизм означает, что встреча должна состояться в баре или ресторане. Уточняя время и место встречи с заместителем секретаря думского комитета по экологии господином Купейко Вениамином Муровичем, я пригласил его в небольшой ресторан с восточной кухней «Шаш-Баш», расположенный неподалеку от станции метро «Смоленская». Донесшееся в ответ из трубки недовольное ворчание господина Купейко я расценил как согласие и за десять минут до назначенного времени уже сидел за заказанным столиком.

Господин Купейко прибыл с опозданием в сорок две минуты. Он появился в сопровождении телохранителя – черный отутюженный костюм, широкие солнцезащитные очки, выпирающая под мышкой кобура и скобка микрофона на ухе. Купейко уселся за стол напротив меня, кивнул невыразительно и, даже не извинившись за опоздание, уткнулся в меню. Для российского чиновника это нормально. Я уже привык к подобной манере общения, а потому и отреагировал как полагается – жестом подозвал официанта.

Господин Купейко заказал двойной бараний шашлык, двойные свиные ребрышки, семгу, черную икру, двести грамм «Хеннесси», два больших стакана бочкового «Гиннеса» и рюмку текилы. От предложенных салатов и зелени заместитель секретаря думского комитета по экологии гордо отказался.

Охраннику, присевшему у края стола, была предложена чашечка кофе.

На вид Купейко было лет пятьдесят. Был он невысок ростом, слегка полноват и узок в плечах. Голова его имела форму вытянутой дыни, из-за чего казалось, что все его лицо – оплывшие щеки, большой, будто опухший от пчелиного укуса нос, три дряблых подбородка и мешки под глазами – медленно, как плавящийся на солнце маргарин, стекает вниз. А еще у него была очень странная прическа – клочок черных, скорее всего крашенных, волос спереди, над самым лбом, такой же клочок сзади, на затылке и две узкие полоски над ушами.

Дабы поддержать компанию, я выпил с Купейко пятьдесят граммов коньяку. Вениамин Мурович опрокинул для начала рюмашку текилы и навалился на еду.

Он ел все то время, что я излагал ему детали Байкальского проекта. Я бы решил, что он вообще меня не слушает, если бы он не кивал время от времени. При этом Купейко продолжал жевать, низко склонившись над тарелкой, оттого я и видел лишь его покрытую пушком и пигментными пятнами макушку. Так что, возможно, это были чисто рефлекторные движения, направленные на то, чтобы протолкнуть пищу в желудок.

Купейко поднял голову только после того, как я закончил излагать, а он завершил трапезу, опрокинув в глотку последнюю рюмку коньяка. Вениамин Мурович сгреб бумаги в папку – неровно, так что углы торчали во все стороны, – вручил ее молчаливому телохранителю, вытер губы салфеткой и поднялся из-за стола. Я успел еще поинтересоваться мнением Вениамина Муровича об изложенном проекте, в ответ на что Купейко степенно изрек:

– Проект будет рассмотрен на очередном заседании комитета.

После чего сделал знак телохранителю и, не прощаясь, продефилировал к выходу.

В целом, можно сказать, встреча прошла успешно.

Дабы избавиться от ползающих под ногами черепах с длинными, по-змеиному извивающимися шеями, я проглотил таблетку Ворного и отправился на встречу с представителем движения «Зеленый Мир».

О самом движении «Зеленый Мир» мне было известно только то, что я прочитал в короткой, на полстранички, справке, которую мне выдали в секретариате МЭФа. Общественная организация, выступающая за соблюдение Россией международных экологических норм. Что

само собой подразумевает закрытие всех экологически опасных предприятий и переход на полномасштабное использование нанотехнологий. В перспективе общественное движение «Зеленый Мир» могло трансформироваться в политическую партию, отстаивающую свои интересы в Государственной Думе. Сколько членов насчитывает «Зеленый Мир», точно не известно. Сами зеленомировцы заявляли, что их поддерживают миллионы. Официальные представители российской власти считали, что по всей России у движения наберется не более нескольких тысяч сторонников. Появившись примерно год назад, «Зеленый Мир» громко заявил о себе несколькими показательными акциями, самой яркой из которых стал флэшмоб, приуроченный к сбору вопросов граждан для традиционного оф-лайн интервью Президента. Рекорд популярности побили два вопроса: «Когда ожидать пришествие Ктулху?» и «Почем шкура неубитого мидведа?».

О человеке, с которым мне предстояло встретиться, я вообще ничего не знал, кроме того, что зовут его Гена Марвин. Я связался с ним через Интернет, и он предложил встретиться в пивном ресторане «Острова Длинного Ганса».

Я никогда не был в этом заведении, но найти его оказалось несложно. Ресторан находился на Садовом кольце, в пяти минутах ходьбы от метро «Курская». Небольшое полуподвальное помещение было мило, хотя и несколько эклектично оформлено под старину. Тяжелые деревянные столы, трехногие табуреты вместо традиционных стульев с пластиковыми сиденьями и спинками, массивные декоративные балки перекрытия, древняя утварь, развешанная на стенах, и даже пожелтый коровий череп без рогов над стойкой. Выбор напитков и закусок также радовал глаз. Отпугивали только цены, взятые, похоже, с потолка и автоматически помноженные на сто. Должно быть, именно поэтому в зале было немногочленно. Странная парочка в стиле унисекс, забившись в угол, поочередно что-то нежно шептала друг другу на ушко. Стоявший у бара официант прижимал к животу круглый блестящий поднос и недобро поглядывал в их сторону – они заказали только две чашки кофе и горстку соленых орешков на двоих. Неподалеку от входа сидел в одиночестве длинноволосый парень в мешковатой, застиранной до полной потери первоначального цвета майке с длинными рукавами и в темно-синей бейсболке с крупными буквами FBI. Рядом с ним стоял початый стакан светлого пива. Склонившись так, что козырек бейсболки едва не касался стола, парень обеими руками сосредоточенно и весьма основательно ковырялся в тарелке с мелкими креветками, как будто на ощупь искал там жемчужину.

До назначенной встречи оставалось еще десять минут. Я сел за свободный столик. Тут же рядом со мной нарисовался официант с круглым подносом, застывший в традиционной позе «чего изволите». Я заказал бокал нефilterованного «Гранта» и полоску острой вяленой говядины.

Быстро вернувшись, официант переставил заказ с подноса на стол. Я решил сразу же расплатиться и достал бумажник.

– Можно уинами, – официант бросил многозначительный взгляд на мой уин-перстень. – Наш ресторан имеет разрешение производить расчеты в валюте.

Ничего не сказав в ответ, я достал из бумажника тысячерублевую бумажку и кинул ее на поднос. Официант прикрыл купюру накрахмаленным полотенцем и удалился. Интересно, принесет сдачу или нет?

Я сделал глоток пива, достал часы, щелкнул крышкой. Без пяти шесть. Посмотрел по сторонам. Никаких тревожных признаков. Все предметы находились на своих местах и покидать их явно не собирались. Также не было никаких признаков внешней трансформации, за которой, как правило, следовала витализация неживых объектов.

Что ж, славно! Осталось только дожидаться господина Марвина.

Захлопнув крышку, я спрятал часы в карман.

Длинноволосый парень в бейсболке FBI поднялся со своего места, взял в одну руку недопитый стакан, в другую – тарелку с пучеглазыми, длинноусыми креветочными головами и направился в мою сторону.

Ну нет! Я едва не скривился, как от зубной боли. Случайный собеседник был мне совершенно ни к чему, да и сам по себе парень, что приближался к моему столику, был мне неприятен, поэтому, не дожидаясь, когда он устроится напротив и заведет проникновенную речь, я поднял руку и сделал отрицательный жест рукой. Мол, проходи, парень, мимо, не до тебя сейчас. В конце концов, это приличное, можно даже сказать respectable заведение, а не забегаловка, где всеобщее братание является неотъемлемой частью очень ненавязчивого сервиса.

В ответ парень изобразил совершенно непонятный знак полупустым стаканом и без тени сомнения уселся за мой столик.

Сняв бейсболку и тряхнув головой, он откинул назад волосы, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

– Добрый день.

Голос у него был негромкий, чуть хрипловатый. Никаких вызывающих интонаций.

В ответ я лишь слегка наклонил голову.

Парень не нарывался на ссору, даже скорее наоборот, вел себя заискивающе. А взгляд у него был такой, будто он хотел, но не решался извиниться за то, что навязывается в компании. И не стал бы он этого делать, если бы не острая душевная тоска, которая, как известно, для русского человека хуже, чем триппер. Собственно, поэтому и обижать его не хотелось.

В России по сей день считается вполне приличным подойти прямо на улице и заговорить с незнакомым человеком. Здесь у вас могут спросить, сколько сейчас времени или как пройти к нужному месту. В зоне единого информационного пространства подобное в принципе невозможно. Если человек хочет узнать время, ему достаточно раскрыть ладонь, чтобы увидеть на ней циферблат, показывающий самое точное в мире время. А чтобы не заблудиться, можно материализовать электронный блокнот с нарисованным маршрутом.

Ладно, решил я, пусть себе сидит. Как придет этот Гена Марвин, опаздывающий, кстати – я достал из кармана часы, откинул крышку, глянул на циферблат, – уже совершенно непозволительно, так я и переберусь с ним за другой столик. Я мельком улыбнулся незваному соседу и пригубил пиво.

– Угощайтесь, – длиноволосый пододвинул мне тарелку с последствиями тотальной декапитации порции креветок.

– Спасибо, – сухо ответил я.

– Голова в креветке – самая вкусная часть, – длиноволосый ухватил за усы одну из креветочных голов, поднял до уровня собственного носа и качнул из стороны в сторону. – Я их специально напоследок оставляю. В голове у креветки икра и мозги. Еще некоторые глаза любят, но я к ним равнодушен.

Длинноволосый раздавил двумя пальцами панцирь на креветочной голове, поднес ее ко рту и что-то с шумом всосал. Чмокнув довольно губами, он разломил голову надвое, длинным ногтем на мизинце подцепил что-то бледно-розовое и тоже отправил в рот.

Смотрелось это не то чтобы противно – я много ездю по стране и не такое повидал, – но как-то очень уж неадекватно ситуации. Поэтому я все же решил перебраться за другой столик.

Длинноволосый сосед понял, что я собираюсь уйти. Бросив остатки креветки в тарелку, он быстро вытер пальцы о край салфетки и преданно уставился на меня, сразу сделавшись похожим на пса, которому хозяин велел сидеть только для того, чтобы уйти и больше не возвращаться.

– А хотите я вам пива закажу? – спросил он с придыханием.

– Спасибо, я не люблю пиво, – со сдержанным достоинством ответил я.

– А мне говорили...

Не закончив фразу, длинноволосый растерянно развел руками.

– Говорили? – машинально повторил я.

– Ну да, – кивнул длинноволосый. – Собственно, это не имеет никакого значения... – он щелкнул ногтем по носу высунувшуюся из тарелки креветку. – Мало ли, про кого что говорят.

– Вы меня определенно с кем-то спутали, – я решительно поднялся на ноги.

Марвин опаздывал совершенно безбожно, и я больше не собирался его ждать в компании любителя креветочных голов.

– Может быть, – длинноволосый обмакнул палец в тарелку с креветочными головами и со вкусом обсосал его. – Я вообще-то должен здесь встретиться с представителем МЭФа.

– С кем? – я решил, что ослышался.

– С Петром Леонидовичем Максиным, – насмешливо посмотрел на меня длинноволосый. – С представителем Международного экологического форума.

– А вы, в таком случае?..

– Марвин Геннадий Павлович, – длинноволосый сдернул с головы бейсболку и взмахнул ею в воздухе. – К вашим, так сказать, услугам.

Я опустил на прежнее место.

Да уж, не так, совсем не так представлял я себе одного из активистов «Зеленого Мира».

– Ну, теперь-то я могу угостить вас пивом? – поинтересовался Марвин.

– Спасибо, не стоит.

Я отодвинул в сторону свой стакан с пивом и тарелку с мясом и поставил на угол стола кейс для бумаг, взятый напрокат в гостинице.

– Вы и свое допивать не будете? – взглядом указал на недопитый стакан Марвин.

– Нет, – качнул головой я.

Марвин взял мой стакан и перелил оставшееся в нем пиво в свой.

Геннадий Павлович не внушал мне ни малейшей симпатии. К тому же ему как будто было совершенно безразлично, о чем я собираюсь с ним говорить. Примерно та же реакция, что и у депутата Купейко. Поэтому я не стал обращать на него внимания – открыл кейс и достал папку с планом сотрудничества, который МЭФ собирался предложить «Зеленому Миру». Я выполнял свою работу.

– Должен сразу вас предупредить, господин Марвин, что план сотрудничества, который я хочу предложить вам от лица МЭФа, весьма схематичен. Поскольку мы имеем только самое общее представление о численности и структуре «Зеленого Мира», а также о задачах, которые вы перед собой ставите...

Марвин глотнул пива и вяло махнул кончиками пальцев.

– Кончай...

– Простите? – я непонимающе наклонил голову.

– Кончай, говорю, без толку воздух гонять.

Марвин ухватил за усы креветочную голову, пополоскал ее в остатках пива в стакане, после чего старательно вылизал.

Я положил ладони сверху на папку.

– Знаете, Геннадий Павлович, у меня складывается впечатление, что каждый из нас ожидал от этой встречи совсем не того, что другой...

– В Облонск собираешься, – перебил меня Марвин.

Мне совершенно не понравилось то, каким тоном – не вопрос, а утверждение – это было сказано. Я молча открыл кейс, кинул в него папку и щелкнул замками. В силу служебной необходимости я, пожалуй, смог бы смириться с обществом деграданта, смакующего креветочные головы, но сносить оскорбления хама не собирался.

– Всего доброго, Геннадий Павлович.

– Стой! – Резко выбросив руку, Марвин крепко ухватил меня за запястье. – Не ездь в Облонск. Понял?

– Нет, не понял, – ледяным голосом ответил я.

– Повяжут.

– Что?

– Не дергайся. – Марвин отпустил мою руку, но еще какое-то время не убирал свою, как будто хотел убедиться, что я не стану убежать. – Вот так, – улыбнулся он. – Не надо привлекать к себе внимание.

Я недоумевающе глянул по сторонам. В зале, кроме нас, находились только двое унисексов, которым до нас не было никакого дела. Бармен за стойкой, низко наклонив голову – должно быть, очки носить стесняется, – читал газету. Обслуживавший нас официант стоял неподалеку, прижав к низу живота блестящий круглый поднос. Его безучастный ко всему взгляд был устремлен в потолок.

Не сводя с меня взгляд, который вдруг сделался до озноба пронзительным, Марвин быстрым, нетерпеливым движением схватил с тарелки креветочную голову, обмакнул в пиво и целиком, как есть, кинул в рот. Хрустнул хитиновый панцирь на зубах.

– Вот так, – Марвин изобразил улыбку, при этом в уголке его рта показался креветочный ус. – Веди себя тихо, и тогда все обойдется. – С многозначительным видом он показал мне указательный палец с грязным, обломанным ногтем, после чего добавил: – Может быть.

– Вы представляете общественное движение «Зеленый Мир»? – спросил я, сам не зная зачем.

– Какая разница, – недовольно скривился Марвин. И в самом деле, какая разница, кого он тут представляет, ежели у человека явно не все в порядке с головой. – Слушай меня внимательно. В Облонск тебе ехать нельзя.

– Почему?

– А вот это тебя не касается.

– Вы имеете какое-то отношение к плану моей поездки?

Я очень постарался, чтобы в моих словах была слышна ирония, но Марвин, похоже, не воспринимал обертоны.

– Нет, – ответил он с убийственной серьезностью.

– В таком случае вас совершенно не касается то, когда, куда и с какой целью я собираюсь ехать. Я встретился с вами только потому, что меня особо попросили об этом...

– Кто?

Вопрос Марвина не сказать что поставил меня в тупик, но заставил задуматься. Провалами памяти я не страдал. Даже после накатов ясно помнил все, что со мной происходило. Но сейчас я, хоть убей, не мог вспомнить того, кто поручил мне встретиться с представителем «Зеленого Мира». Вне всяких сомнений, это был кто-то из Международного экологического форума – тут уж, что называется, без вариантов. Но кто именно?.. Хотя бы из какого отдела?..

Макнув в пиво и сунув в рот очередную креветочную голову, Марвин насмешливо посмотрел на меня.

– Ну-ну, давай! Вспоминай! – Он резко подался вперед и обдал меня зловонным дыханием. – Шевели мозгами! Думай! Или что, совсем разучился?.. Ха! – он несильно стукнул ладонью по краю стола. – Вот до чего же привыкли вы, что все за вас уины делают! Даже думать сами разучились!.. Информатики гребаные!..

Я быстро – слишком быстро, почти суетливо – раскрыл кейс и выхватил из него папку с планом визита. Вот оно: «Встреча с представителем общественной организации „Зеленый Мир“. Обсуждение первоначального плана сотрудничества».

Я подался назад и оценивающе посмотрел на Марвина.

– Слушайте, кто вы такой?

– Да какая разница! – поморщившись, Марвин выплюнул в пустой стакан креветочные усы и разжеванный хитиновый панцирь. – Ты, главное, знай меня слушайся. Тогда не пропадешь.

– Так вы не из «Зеленого Мира»?

– А хоть бы и оттуда. Тебе-то что?

– Вы знаете, – я аккуратно положил папку с тисненой золотом эмблемой МЭФа обратно в кейс, медленно закрыл его и беззвучно опустил замки, – я решительно не понимаю, что вы говорите. Поэтому...

– Встречу с «Зеленым Миром» внес в план твоего визита майор Ворный.

А вот это уже был тупик!

Откуда Марвин, или кем он там был на самом деле, знает майора? И не просто знает – он в курсе планов Ворного. Во всяком случае, пытается меня в этом убедить. Опять же вопрос: зачем?

И что мне делать?

Встать и уйти, продолжая делать вид, что не понимаю, о чем говорит Марвин?

Черт возьми, наверное, это было бы самое верное решение. Но я вдруг понял, что хочу во всем разобраться. От начала и до конца. И виноват в этом был все тот же Владимир Леонидович Ворный, накануне прочитавший мне лекцию о воздействии уинов на сознание человека, находящегося вне зоны информационного пространства, и о неких зловещих планах по вытягиванию России в это самое пространство, в которых я, по мнению майора, играл не последнюю роль.

Ладно, со мной все более или менее ясно. Пусть майор Ворный мне не верит, но я-то сам знаю, что не имею отношения к заговору по насаждению информационных башен на территории его любимой страны. Но при чем тут Марвин? Кто он такой, черт его дерит?

Я снова раскрыл кейс, достал все ту же папку с планом визита и, отодвинув в сторону тарелку с объедками креветок, положил ее перед Марвиным.

– Если вы соизволите заглянуть в эту папку, господин Марвин, – начал я намеренно церемонно, – то сможете убедиться в том, что план моего визита был утвержден несколько дней назад в Центральном бюро Международного экологического форума, к которому, смею полагать, майор Ворный никакого отношения не имеет.

– Не смей меня, – Марвин одним пальцем оттолкнул от себя папку. – Ворному ничего не стоит подделать любой документ.

– Но я видел его, план визита то есть, еще до отлета в Москву.

– Это ты так думаешь, – криво усмехнулся Марвин.

Я озадаченно наклонил голову.

– Простите?

– Ну ты тупой, – с тоской посмотрел на меня Марвин. – Слушай, у вас там все такие?

Мне не было никакого дела до того, что думает обо мне Марвин. Мне нужна была информация. Поэтому я сделал вид, что не заметил явного оскорбления.

Марвин глотнул пива.

– Это обыкновенное внушение, – он постучал себя сложенными щепотью пальцами по виску. – Суггестия. Ага?... Ворный вчера заходил к тебе в гости. – Это был не вопрос, поэтому я промолчал. – Поменял папки с планами визита. Потом дал тебе таблетки, а ты их, как дурак, глотать принялся. Все! – Марвин развел руками. – Какие еще вопросы? После этого тебя легко можно было бы убедить в том, что ты убил свою бабушку, приготовил из нее жаркое и накормил им всю семью.

– Значит, ты работаешь на Ворного?

Марвин сокрушенно покачал головой.

– Стал бы я тебе все это рассказывать, если бы работал на гэбэ?

– Тогда откуда ты все это знаешь?

– У нас есть осведомители.

– У нас – это у кого?

– Считай нас героями-подпольщиками, – довольно осклабился Марвин.

Боль клюнула в левый висок. Я слегка наклонил голову и двумя пальцами придавил источник боли.

Что-то в истории Марвина было не так. Концы с концами не сходились. Если встречу с представителем «Зеленого Мира» внес в план моего визита майор Ворный – зачем ему это нужно, отдельный вопрос, – то как получилось, что пришел на нее длинноволосый тип по имени Гена Марвин, который предупреждает меня о злых кознях Владимира Леонидовича?

И еще...

– Почему я не должен ехать в Облонск? – спросил я у длинноволосого ценителя креветочных голов.

– Потому что тебя пасут, – ответил он зловещим полусшепотом.

Я озадаченно пожал плечами:

– Всех пасут...

– Тебя – особенно, – Марвин указал на меня пальцем, чтобы я не заблуждался, о ком именно идет речь.

– А что будет, если я все же поеду?

Марвин усмехнулся и снова потянулся к тарелке.

– Постой, – я схватил его за запястье. – Я закажу тебе двойную порцию креветочных голов, если ты наконец объяснишь мне, что должно произойти в Облонске.

– В Облонске, говоришь? – насмешливо глянул на меня Гена.

– Это ты говоришь, – уточнил я.

– Да черт с тобой, поезжай!

Он попытался освободить руку.

Я сильнее сжал его кисть.

И в этот миг замигал синий индикатор на моем уин-перстне – счетчик уинов зашкалило. Это было невероятно! Для того чтобы сработал индикатор, число уинов в моем организме должно было подскочить примерно вдвое!

Не понимая, что происходит, я в растерянности разжал пальцы, которыми сжимал запястье Марвина. И индикатор на перстне тотчас же погас.

В полнейшем недоумении я поднял взгляд на Марвина.

Черт возьми! Контактный уин-перстень сработал на уины, кишачие в крови Марвина! Сколько же их у него в организме!.. Если верна теория Ворного, то сознание и разум Гены должны сейчас выкидывать коленца похлеще, чем девчонки из «Мулен Ружа». Полтора стакана пива, что он выпил при мне, было маловато для того, чтобы сбить накал.

Выходит, все, что он нес, было полным бредом?

Да, но откуда он знает Ворного?..

Пока я охотился за странными мыслями, что роились у меня в голове, лицо Гены Марвина претерпевало изменения. Черты его стали вдруг жестче, подбородок заострился, нос вытянулся. На лбу пролегли две глубокие морщины. Взгляд будто старался просверлить дырку у меня в переносице.

– Ну так что, чувачок, чего делать-то будем?

В интонациях голоса Марвина прозвучало что-то, чему трудно было найти точное определение, но что мне резко не понравилось. Я понял, что момент, когда можно было просто встать и уйти, безнадежно упущен.

Совершенно неожиданно Марвин улыбнулся и сделал легкий жест рукой, как будто отгоняя так и норовящую залететь в нос пушинку.

– Нет, ты меня неверно понял.

Я молча пожал плечами.

Собственно, я вообще ничего не понимал.

– Помнишь, что говорил майор Ворный о воздействии информационного поля на спору башни? Нужен первоначальный импульс для того, чтобы спора активировалась и начала развиваться. А за тобой, чувачок, тянется длиннющий след из информационных башен, которые гэбэшники выкорчевывать не успевают. Смекаешь, что тут к чему?

– Меня ни в чем невозможно обвинить, – я медленно покачал головой.

– Точно! – радостно кивнул Марвин. – У них на тебя ничего нет. Поэтому тебя по-простому ликвидируют. Там, – Гена почему-то махнул рукой влево, – в Облонске. Так сказать, вдали от обжитых мест.

Услышав такое, я только и смог произнести:

– Как?

Понятное дело, Марвин порол откровенную чушь. Но, черт возьми, крайне неприятно слышать о том, что на тебя готовится покушение. Особенно когда история, сама по себе бестолковая, прошита не только белыми нитками, но и вполне достоверными фактами. Глупо, а все равно осадочек мерзкий остается.

– Не знаю, чувачок, – пожал плечами Марвин. – Полагаю, что это будет несчастный случай. Например, в трясику угодишь. Там же вокруг болота непролазные.

– Я не собираюсь бродить по болотам.

– Ну, тогда грибами отравишься. Местные предложат – отказываться некрасиво. А вертолет, которым тебя в больницу повезут, по дороге сломается. И ка-ак ахнется!..

Бамс!

Марвин хлопнул ладонью по столу.

На лице его появилось странное выражение – не то удивление, не то обида. Голова его сначала наклонилась к плечу, а затем упала, ударившись лбом о стол. Я еще подумал: хорошо, что тарелку с креветками убрал, а то бы точно в нее угодил. В воцарившейся вдруг мертвой тишине сочно чмокнула, ударившись о стол, тяжелая, темная, жирная капля. За ней еще... Еще... Я, как замороженный, не мог оторвать взгляд от темной струйки, вытекающей из-за левого уха Марвина, сбегаящей по щеке и большими каплями падающей на стол.

– Мне жаль...

Я медленно поднял взгляд.

За спиной мертвого Марвина стоял официант с прижатым к животу круглым подносом. Из-под белой накрахмаленной салфетки, переброшенной через левую руку, высовывался край пистолетного глушителя – черный металлический цилиндр с кажущейся бездонной дыркой.

– Мне жаль, – повторил негромко официант. – Но он оказался не в меру болтлив. Я предупредил его, что не стоит злоупотреблять уиновыми инъекциями, особенно перед важной встречей. Но эти уин-торчки... – официант с досадой цокнул языком и покачал головой. – Говорят, вылечиться от уиновой зависимости труднее, чем отказаться от самого тяжелого наркотика. Как вы считаете?

– Не знаю, – растерянно ответил я.

– Очень жаль. Я думал, вы рассеете мои сомнения на сей счет. Знаете, в работе с уин-торчками есть как свои плюсы, так и свои минусы. Главный плюс в том, что любого из них легко убедить в том, что все происходившее с ними было не более чем бредом. Минус – не угадаешь, когда на него накатит. А о том, что происходит с человеческим разумом в таком состоянии, вы, Петр Леонидович, лучше меня осведомлены.

Темная, влажно поблескивающая лужица, растекающаяся вокруг головы Марвина, становилась все больше.

Странно, но, видя направленный на меня ствол пистолета, я не испытывал страха. Мне только было несколько не по себе. Как если, позвонив по телефону малознакомому человеку и услышав голос в трубке, начинаешь сомневаться, правильно ли набрал номер, и вместо того, чтобы представиться, пытаешься подыскать извинения.

– А в чем суть? – спросил я у официанта.

Он сосредоточенно сдвинул брови к переносице.

– Суть чего?

– Всего, – я сделал широкий жест рукой, как будто хотел объять им если не весь мир, то весь зал ресторанчика «Острова Длинного Ганса» вместе с молотками, пилами, балалайками и рожками, развешенными по стенам.

– Вопрос неконкретен, – покачал головой официант, как будто с сожалением даже.

Хорошо, я иначе сформулировал вопрос:

– Зачем вы убили Марвина?

Официант быстро глянул на простреленный затылок любителя креветочных голов, как будто хотел убедиться в том, что дело сделано как надо.

– Это был не Марвин.

– Кто же тогда?

– Маврин. Павел Геннадьевич Маврин.

– И что?

– Что?

– Вы прострелили ему голову.

– Я знаю.

– Зачем?

– А вот это, Петр Леонидович, – лукаво прищурился официант, – знать вам не полагается.

– Ну, здорово, – удрученно кивнул я. – Вы подходите, убиваете моего собеседника, а я даже не могу узнать, в чем его вина.

– Вы снова неверно формулируете. Маврин ни в чем не виноват. Во всяком случае, сам он не чувствовал за собой никакой вины... Я так думаю... Понимаете, Петр Леонидович, для того, чтобы убить человека, вовсе не обязательно считать его в чем-то виноватым.

– Только не говорите, что вы с ним были друзьями.

Официант снова, на этот раз оценивающе, посмотрел на мертвеца.

– Нет, – едва заметно качнул головой он. – Друзьями мы с ним не были. Я впервые его сегодня увидел.

– Но вы знаете его имя.

– Да.

– И вы его застрелили.

– Само собой.

– И вы знаете мое имя.

– Конечно.

– И – что?..

– Петр Леонидович, – тяжело вздохнул официант. – Если хотите получить ответ, задавайте конкретный вопрос.

– И вы на него ответите?

– Я говорил в общем, о языковой культуре... Вот скажите, у вас дома есть словарь Даля?

– Какое это имеет значение?

– Я, между прочим, в отличие от вас задал совершенно конкретный вопрос. Для того чтобы ответить на него, достаточно сказать «да» или «нет».

– Нет.
– Что и требовалось доказать!
– И что же это доказывает?
– Вы не понимаете то, что вам говорят.
– Марвин... Или, если хотите, Маврин давал мне странные советы...
– Не более странные, чем те, что дает вам майор Ворный.
– Вот! – я щелкнул пальцами и направил указательный на официанта. – Именно об этом я и хочу поговорить.

– Нет-нет, – официант, будто вдруг испугавшись чего-то, быстро-быстро затряс головой. – Об этом мы говорить не станем... Маврин уже сказал вам все, что требовалось. И даже больше.

– Но я ничего не понял.

– От вас, Павел Леонидович, требуется не понимание, а исполнение. Строгое и неукоснительное исполнение полученных директив.

– Маврин сказал, что в Облонске меня убьют.

– Точно, – кивнул официант.

– Но сейчас вы грозите мне пистолетом.

– Такова жизнь, Павел Леонидович.

– И что вы от меня хотите?

– Чтобы вы отказались от поездки в Облонск.

– Хорошо, откажусь. Я могу идти?

– Как-то неискренне вы это сказали, Петр Леонидович, – официант с сомнением поджал губы.

– А как можно быть искренним под дулом пистолета?

– Я должен быть уверен, что вы не поедете в Облонск.

– И что же я должен сделать, чтобы убедить вас в том, что не еду?

– Даже и не знаю... – официант в задумчивости постучал глушителем по краю подноса. – Может быть, вам для этого нужно умереть?

– Не уверен, что это хорошая мысль.

– Я тоже... Но другой у меня нет.

– Давайте подумаем вместе.

– Хорошо... У нас пока еще есть время.

Я машинально достал из кармана часы, щелкнул крышкой, взглянул на циферблат.

– Начнем? – я посмотрел на официанта как можно дружелюбнее. Он коротко кивнул. – Может быть, расскажете мне о себе?

– Зачем? – насторожился официант.

– Хотя бы скажите, как вас зовут... Должен же я к вам как-то обращаться.

– Называйте меня Исмаил.

– Исмаил... – я оценивающе посмотрел на официанта. Коротко остриженные светло-русые волосы, круглое лицо, голубые глаза, нос пуговкой, подбородок с ямочкой... Нет, на Исмаила он определенно похож не был. – Хорошо, пусть будет Исмаил. Чем вы занимаетесь, Исмаил?

– По-моему, вас сейчас не это должно интересовать, Петр Леонидович.

– Верно, – согласился я. – Вы уверены, что в Облонске меня убьют?

– Ну, может, не в самом Облонске... Вас могут убить в самолете.

– За то, что по моим следам прорастают информационные башни?

– Это хороший мотив для убийства, – с видом знатока заметил Исмаил.

– Может быть, и хороший, но явно недостаточный.

– Вы так считаете? – Исмаил усмехнулся. – Посмотрите-ка на угол стола, Петр Леонидович... Видите?

Там, куда указывал взглядом Исмаил, над мореными досками стола примерно на полтора сантиметра вверх поднимался серебристый конус с округлой вершиной, похожий на проклюнувшийся из-под земли шампиньон, – росток информационной башни.

– Ну надо же... – только и смог проговорить я удивленно.

– Вот так-то, Петр Леонидович, – многозначительно произнес Исмаил. – Спор вокруг много, но прорастают только те, что оказались активированы информационным полем.

Лужица крови, вытекавшей из простреленной головы Маврина, изменила форму. Теперь она была похожа на амебу, вытянувшую ложноножку в сторону ростка информационной башни. Миллионы суспендированных в ней крошечных, невидимых глазу универсальных информационных носителей разом устремились в одном направлении, чтобы принять участие в воссоздании жизненно необходимой им структуры. Они не знали, что прежде, чем башня вырастет до размера, позволяющего ей самой генерировать информационное поле, ее росток будет обнаружен и уничтожен бдительными и вездесущими сотрудниками Госбезопасности.

– Уничтожение ростка информационной башни похоже на аборт, – вслух повторил мою мысль Исмаил. – И в том и в другом случае речь идет об искоренении жизни, которая сама еще не осознала себя таковой. Но, – закончил он многозначительно, – это необходимая мера.

Сам по себе факт появления ростка информационной башни на столе, за которым был убит человек, несомненно любопытен. Как казус. Но!

– При чем тут я?

– Без вас, Петр Леонидович, ничего бы не было, – улыбнулся мне Исмаил. – Вы что, серьезно, до сих пор так ничего и не поняли?

Честное слово, я едва не взорвался!

– Что я должен понять?

Доколе, хотелось спросить мне, доколе будет продолжаться эта словесная игра в кошки-мышки? Если Исмаилу было что сказать, пусть говорит! Если он собирался пристрелить меня, черт с ним, пусть стреляет! Но только довольно словесной бессмыслицы!

Мне очень хотелось выложить все это Исмаилу. И я бы непременно сделал это, будь я чуть менее здравомыслящ. Вопреки пафосу произнесенных слов, умирать мне вовсе не хотелось.

– Петр Леонидович, – Исмаил немного подался вперед и наклонился, так что ствол пистолета смотрел теперь не в лоб мне, а в грудь. – Петр Леонидович, – повторил он, понизив голос до полупшепота. – А вы сами, – Исмаил любопытно прищурился, – ничего не чувствуете?

– Нет, – с невообразимо глупым видом я развел руками. Прислушался к собственным ощущениям. Так, на всякий случай. – Ничего!

– Ну да ладно, – махнул спрятанным под салфеткой пистолетом Исмаил. – Главное, что об этом знает Госбезопасность, которая как раз и спланировала ваше физическое устранение.

– Вы тоже из Госбезопасности?

– Ну что вы, Петр Леонидович! – обиженно насупился Исмаил. – Как вам только такое в голову взбрело!

– Но вы же собираетесь меня убить.

– У меня совершенно иные мотивы.

– Можно поинтересоваться, какие?

– Я не могу допустить, чтобы вы попали в лапы гэбэшников.

– А другого способа нет?

– Увы, я его не вижу.

– Тогда чего же мы ждем?

– Ну, видите ли, Петр Леонидович, – смущенно потупил взгляд Исмаил. – К вам я не испытываю никакой личной неприязни. Даже наоборот, я восхищен тем, что вы делаете.

Поэтому, перед тем как завершить наше маленькое дельце, я хотел расставить все точки над «ё». По-моему, будет справедливо, если перед смертью вы узнаете... Черт!

Не успевшего завершить витиеватую фразу Исмаила оттолкнул в сторону бармен. Опершись руками о край стола, он впился безумным взглядом в простреленный затылок Марвина-Маврина, затем скользнул по кровавой луже, ползущей в сторону ростка информационной башни. Рот бармена приоткрылся, из уголка тонкой струйкой потекла слюна. Бармен рухнул на стол – в первый момент мне даже показалось, что так же, как Маврин-Марвин, он получил от Исмаила пулю в затылок, – и принялся, хлюпая, слизывать со столешницы кровь.

– Этот тип тоже на вас работает? – спросил я у Исмаила.

– Конечно же, нет, – недовольно поморщился официант. – Я вообще впервые его сегодня увидел... Мерзкая тварь, почувствовал уины в растекающейся крови.

– А чо добру-то пропадать, – буркнул, чуть приподняв лицо, бармен.

– Что ж, Петр Леонидович, поскольку нам не дают продолжить беседу...

– Мне он не мешает, – кивнул я на хлюпающего бармена.

– ...Я вынужден завершить свою миссию, – Исмаил сдернул прикрывающую пистолет салфетку, наверное, чтобы удобнее было целиться.

– Э, стой, братан! – поднял перемазанную кровью рожу бармен. – У меня на этого мужика свои виды имеются!

– Не понял? – нахмурил брови Исмаил.

– Ну и дурак, значит. – Бармен сунул руку за пазуху и вытянул оттуда здоровенный пистолет. Что это был за пистолет, понятия не имею, я вообще в оружии плохо разбираюсь, но он оказался таким невероятно огромным, что я удивился, как его не было заметно под рубашкой и фирменной малиновой жилеткой. – Короче, – бармен, как дирижерской палочкой, взмахнул стволом своего монстра. – Тебя, братан, – это он Исмаилу, – я приговариваю к смерти за убийство лидера нашего экотеррористического движения «Зеленый Бор»...

– «Зеленый Мир», – поправил я.

– Точно, братан, спасибо, – с благодарностью кивнул бармен. – Ты, кстати, тоже приговорен за соучастие в убийстве.

– Но ведь он, – указал я на Исмаила, – хотел и меня застрелить.

– Это уже ваши проблемы, – бармен показал нам открытую ладонь левой руки. – Я в них вмешиваться не собираюсь. От мавра-то что требуется? Сделать свое дело и по-тихому свалить.

– Ну, допустим, по-тихому уже не получится, – Исмаил переориентировал ствол своего пистолета на бармена.

Бармен направил свой пистолет на меня.

– Брось пушку, братан, иначе я пристрелю фраера.

Я пожалел, что у меня нет пистолета. А лучше – двух.

А еще мне стало грустно: в жизни так много дураков, что порой они могут встретиться за одним столиком и даже с намерением убить одного и того же человека. И, собственно, делать с этими идиотами больше нечего, как только отстреливать. Нужно только найти вменяемых людей, которые взялись бы за дело. И тогда...

Когда мне уже показалось, что я близок к завершению аккуратной логической цепочки, ход моих размышлений оказался прерван самым неожиданным образом. На стол, прямо передо мной, запрыгнул один из унисексов, так тихо сидевших в своем углу, что о них все позабыли. Я-то уж так точно упустил из виду сам факт их существования. Чуть пригнувшись и наклонившись в сторону, унисекс поднял согнутую в колене ногу и резко распрямил ее. Пистолет, что держал в руке Исмаил, взлетел под потолок. Нога унисекса резко, как на пружине, дернулась еще раз, и теперь уже сам официант, раскинув руки, рухнул спиной на соседний столик. Унисекс выхватил из-за пояса небольшой баллончик с распылителем, сорвал ограничитель и направил дымящуюся струю жидкого азота на росток информационной башни.

Второй унисекс, оказавшийся позади бармена, схватил за запястье его руку с пистолетом и резко дернул вверх. Грохнул выстрел, но пуля ушла в потолок. Унисекс ударил бармена стопой под колено и тут же нанес удар кулаком по позвоночнику в области поясницы. Бармен зарычал, то ли от боли, то ли от злости, но, в отличие от потерявшего контроль над ситуацией Исмаила, он все еще пытался сопротивляться. Тогда унисекс схватил бармена за подбородок и резко дернул его голову в сторону. Раздался омерзительный хруст, и обмякшее тело бармена упало на пол.

– Наталья! – крикнул тот, что был на столе.

Ага, значит, по крайней мере одна из них – женщина.

Наталья обернулась.

Я посмотрел в ту же сторону.

К нам приближались шестеро выбежавших из кухни поваров в длинных белых халатах и высоких накрахмаленных колпаках. Первый сжимал в руке никелированный разделочный топорик с очень удобной деревянной рукояткой. У остальных – короткие автоматы, может быть, «узи», а может быть, что-то другое. Возможно, для кого-то принципиально важно, из какого именно оружия он будет застрелен, а мне так все равно.

Увидев набегающего на нее повара с поблескивающим топориком в руке, Наталья прыгнула. Брошенная ее напарником табуретка сбила повара с ног.

Бежавшие следом остановились, словно налетели на невидимую стену.

Тишина.

Будто время застыло.

Клац!

Повара разом передернули затворы.

Наталья прыгнула в сторону, перевернувшись через плечо, рукой опрокинула стол и залегла за ним. В каждой руке – по пистолету.

Тот, что стоял на столе, схватил раскрытый кейс, захлопнул его и кинул мне в руки. Не успел я поймать кейс, как унисекс ударил по нему ногой. Я вместе со стулом грохнулся на спину. Унисекс прыгнул на меня сверху.

И в ту же секунду воздух разорвал озверелый рык пяти автоматов, с яростью и ненавистью ко всему живому выплевывающих – выблевывающих! – набитые в них патроны.

Я думал, тут мне и конец.

Пули рвали дерево столов, крошили камень пола, сбивали развешанные по стенам декоративные украшения.

Грохот, треск, каменная крошка, щепки, грохот, вой...

И вдруг все затихло.

Как будто уши ватой заложили.

Только едва слышные сухие щелчки.

Лежавший на мне унисекс чуть приподнялся.

Только сейчас я его рассмотрел как следует. Этот, несомненно, был мужчина.

Он быстро глянул через плечо, затем снова повернулся ко мне и протянул руку:

– Хочешь жить, иди со мной.

Против такого предложения я ничего не имел. Я даже был рад тому, что нашелся кто-то, кто сегодня не хочет меня убить. И с готовностью протянул руку своему потенциальному спасителю.

Человек в одежде унисекс рывком поднял меня на ноги и толкнул в сторону двери. Сам он встал во весь рост и, выбросив перед собой руку с пистолетом, открыл огонь по перезарядившим автоматы поварам. Его напарница, поднявшаяся над краем столешницы опрокинутого стола, стреляла разом с двух рук.

Пригибаясь, локтем прижимая к боку кейс, я успел добежать до стеклянной двери прежде, чем повара открыли ответную стрельбу.

Дверное стекло передо мной разлетелось вдребезги.

Я пригнулся еще ниже и почти на карачках выбежал на улицу.

Было уже темно. Горели редкие фонари. Мимо проносились машины. А по тротуару как ни в чем не бывало вышагивали прохожие. Казалось, только я один слышу выстрелы, доносящиеся из разбитых дверей пивного ресторана «Острова Длинного Ганса».

Плевать, подумал я. Это не мое дело. Нужно поймать такси... Или, лучше, добежать до метро – здесь недалеко. Доберусь до гостиницы и оттуда позвоню в консульство... Нет, позвоню из первого же телефонного автомата, пусть высылают за мной машину с охраной... Идиот, у меня же мобильник в кармане!..

Вылетевшая из дверей ресторана Наталья едва не сбила меня с ног. Левое плечо у нее было в крови, щека разодрана, но в целом выглядела она довольно бодро.

– Андрей! Уходим! – крикнула она, должно быть, своему напарнику.

И, не дожидаясь ответа, потащила меня к обочине.

Не имея понятия, что собирается предпринять эта девочка-ниндзя, я сделал попытку избавиться от ее общества.

– Я очень благодарен вам за столь своевременное вмешательство... Честное слово! Я с удовольствием оплачу ваши услуги, если вы оставите визитку... Но сейчас нам совсем не по пути...

– Заткнись.

Наталья ткнула мне под ребра пистолет, из чего я сделал вывод, что лучше с ней не спорить.

Нас догнал ее напарник Андрей.

– Как? – глянув через плечо, спросила его Наталья.

– Порядок, – ответил Андрей.

Интересно было бы знать, что он подразумевает под этим словом, подумал я. Но вслух ничего говорить не стал – похоже было, что мое мнение тут никого не интересовало.

Мы подошли к темно-синей «Ауди», припаркованной возле обочины. Андрей обежал машину и сел на место водителя. Наталья распахнула передо мной заднюю дверцу и стволом пистолета указала в глубь темного салона.

– Залезай.

Я даже спорить не стал. Обхватил кейс обеими руками, прижал к груди и, пригнув голову, забрался в машину.

Наталья села рядом.

Не успела она захлопнуть дверцу, как машина сорвалась с места и понеслась в сторону Красных Ворот, ловко, на грани допустимого риска маневрируя в плотном потоке машин.

То, что Наталья больше не тыкала пистолетом мне в ребра, придало мне оптимизма.

– Вам бы следовало перевязать рану, – сказал я.

– А, пустяки, – беспечно махнула рукой девушка.

– Вы из «Зеленого Мира»? – осторожно поинтересовался я.

– Мы из Госбезопасности, – ответил Андрей.

Час от часу не легче!

– А удостоверение покажете?

Андрей посмотрел на меня в зеркальце заднего вида и криво усмехнулся.

Понятно, придется поверить на слово.

– А куда мы едем?

– К вам в гостиницу.

– Зачем?

- Глупый вопрос, – сказала Наталья.
- Там вас ждет майор Ворный, – ответил на глупый вопрос Андрей.
- Он в курсе того, что произошло?
- Отчасти.
- А мне вы можете объяснить, что произошло?
- Вас пытались убить.
- Это я понял.
- Что же вы еще хотите знать? – вроде как искренне удивился Андрей.
- Почему?
- Почему вас хотели убить или почему вы все еще живы?
- И то и другое.
- Живы вы потому, что мы за вами присматривали. А кто и за что хотел вас убить, расскажет майор Ворный. Если сочтет нужным.

– Только не верьте всей той чуши про гэбэ, что вам наплели в «Островах», – добавила Наталья.

- Да ну, что вы! Я ни единому их слову не поверил!
- В зеркале заднего вида вновь мелькнула улыбка Андрея. Похоже, он тоже мне не верил.
- Вы удовлетворили свое любопытство? – спросила Наталья.
- Отчасти, – ответил я.
- Какие вопросы у вас еще остались?
- Только один. Почему Россия упорно не желает присоединиться к единому информационному пространству?
- Потому что мы не хотим в один прекрасный момент оказаться с голым задом.
- Про голый зад я уже слышал.
- И что?
- Это не аргумент.
- Ну, если голый зад для вас не аргумент...

Дальше мы ехали молча.

Остановив машину возле черного хода, Андрей показал охраннику удостоверение, после чего тот пропустил нас внутрь. Мы прошли через кухню, прачечную, миновали еще какие-то подсобные помещения и в конце концов вышли к грузовому лифту. Поднявшись на этаж выше, чем было нужно, мы спустились по пожарной лестнице, вышли в главный холл, откуда уже было рукой подать до двери моего номера.

Прежде чем позволить мне войти, Андрей осмотрел помещение. Лишь убедившись, что никакой опасности нет, он позвонил по мобильному Наталье, а та уже распахнула передо мной дверь.

Оказавшись в номере, я тут же кинул кейс на диван, схватил из бара бутылку «Гринелса», налил полстакана и, не разбавляя, выпил. Только после этого я упал в кресло и умиротворенно вытянул ноги. Здорово бы было еще и душ принять, но на это сил у меня уже не оставалось.

- Присоединяйтесь, – сказал я Андрею с Натальей, взглядом указав на початую бутылку.
- Спасибо, – поблагодарил Андрей и жестом отказался от выпивки. – Мы ненадолго оставим вас одного.
- Конечно, – вяло кивнул я.
- Мы запрем дверь. Майор Ворный откроет ее своим ключом.
- Как скажете, – снова не стал спорить я.
- Надеемся, до его прихода с вами ничего не случится.
- А что со мной может случиться?

Я попытался усмехнуться, но сам почувствовал, что получилось не очень убедительно. Я жутко устал. Глаза сами собой закрывались. Подбородок опускался на грудь.

– Распустите галстук, легче дышать будет, – посоветовал Андрей.

Я поблагодарил его за дельный совет едва заметным движением пальцев. И провалился в густой, тяжелый сон, похожий на беспамятство.

* * *

Я проснулся, а может быть, пришел в себя от нестерпимой головной боли. Какие-то твари, засевшие в черепной коробке, долбили в затылок тяжелыми молотками и одновременно старались пробуровать виски тупыми сверлами. Кажется, я застонал, еще не успев открыть глаза. А когда открыл их, не сразу смог сфокусировать зрение. Когда же и это мне удалось, я увидел майора Ворного, сидевшего в кресле по другую сторону журнального столика. Поза у Владимира Леонидовича на чистом русском говорила о том, что сидит он здесь явно не первый час. Но, судя по ехидной ухмылке, скучно ему не было.

– С пробуждением, Петр Леонидович, – поприветствовал он меня.

Я попытался сказать в ответ какую-нибудь любезность, но одеревеневший язык прилип к сухому небу. Я глянул по сторонам в поисках живительной влаги. Увидав открытую бутылку минералки, я схватил ее и жадно выпил. Ну и что, что выдохлась, подумаешь, теплая, плевать, что вкус противный, главное, что мокрая.

– Который час? – спросил я, оторвавшись от бутылки.

Аккуратно оттянув манжет, Ворный посмотрел на часы.

– Без двух минут одиннадцать.

За окном светло, значит – день.

Выходит, я всю ночь проспал в кресле, как был, в пиджаке. Даже ботинки не снял. Только галстук растянул. Или это заботливый Андрей постарался?

– Плохо, Петр Леонидович? – участливо осведомился Ворный.

– Плохо, – не стал отпираться я.

Хотя и сам не мог понять, с чего это мне так плохо. Я точно помнил, что выпил перед сном всего-то полстакана джина.

Однако в литровой бутылке «Гринелса», стоявшей на столе, джина оставалось меньше, чем на два пальца. Ворный приложился?.. Я искоса глянул на майора. Нет, не похоже...

– Держи, – Владимир Леонидович протянул мне стакан, наполненный бледно-розовой, густой и тягучей на вид субстанцией.

– Что это? – опасливо поинтересовался я, принимая стакан из рук майора.

– Пей, поможет, – серьезно сказал Владимир Леонидович. – Испытанное средство.

А может быть, и не сказал вовсе, а приказал.

Я понюхал содержимое стакана. Запах чуть кисловатый. Вдруг вспомнились вчерашние слова Марвина, а может быть, Маврина, о том, что майор Ворный подсунил мне таблетки, чтобы контролировать мое сознание. Тогда, может быть, и в стакане тоже какая-то мерзость... Но, с другой стороны, мне было так плохо, что я готов был проглотить живую лягушку, если бы был уверен, что от этого передохнут все карлики, пытающиеся изнутри взломать мой череп, и все части моего организма после этого встанут на свои места.

Закрыв глаза, я залпом осушил стакан.

Лекарство оказалось не таким уж противным – слегка отдавало спиртным, немного кислило лимончиком, и что-то острое и душистое, вроде имбиря, туда точно было добавлено. Мгновенного улучшения физического состояния я не ощутил, но психологически почувствовал себя увереннее.

Я ждал, что майор Ворный сам начнет разговор о том, что случилось вчера. Но Владимир Леонидович сделал неожиданный ход, сказав:

– Сходи-ка прими душ, Петр Леонидович. Потом мы с тобой поедим как следует, накатим грамм по сто, и будешь ты у нас снова как огурчик.

Это было не совсем то, что я ожидал. Но спорить с таким замечательным предложением мне показалось глупо. Я снял пиджак, скинул ботинки, распустил до конца галстук и потопал в ванную.

Вернулся я примерно через полчаса. Мокрый, бодрый, одетый в темно-синий банный халат. Чудодейственное средство майора Ворного подействовало. Голова уже почти не болела, и, как ни странно, хотелось есть.

Майор Ворный переместился за обеденный стол. Он снял пиджак, слегка распустил узел галстука и подвернул накрахмаленные манжеты своей кипельно-белой рубашки. На стол было выставлено столько посуды, будто мы ждали еще по крайней мере четверых гостей. Рядом стоял сервировочный столик, доставленный в мое отсутствие. Судя по обилию блестящих крышек и размерам посуды под ними, Владимир Леонидович решил, что, раз уж я пропустил завтрак, следует сразу переходить к обеду.

Так мы и сделали. Я разлил по тарелкам душистую уху, а Владимир Леонидович наполнил стаканы остатками «Гринелса» из приговоренной кем-то ночью бутылки.

Закусив неразбавленный джин наваристой ушицей, я почувствовал себя просто замечательно. Самое время было переходить к серьезному разговору, и я многозначительно покосился на Владимира Леонидович. Но он словно и не заметил моего взгляда – ел, сосредоточенно глядя в тарелку. Что ж, придется мне начать.

– Хочу еще раз поблагодарить твоих ребят за вчерашнее.

По-прежнему не поднимая взгляда, майор Ворный молча кивнул.

– Если бы не они... – я ложкой нарисовал в воздухе непонятный даже мне самому кабалистический знак. – Ну, не знаю даже, чем бы все это закончилось.

– Вышел бы конфуз, – произнес негромко Ворный.

– Конфуз?..

Я задумался над значением данного слова. Конфуз – это, пожалуй, слишком уж мягкое определение того, что вчера произошло. Даже для майора Госбезопасности.

Владимир Леонидович доел уху, отодвинул пустую тарелку в сторону и подкатил к себе поближе сервировочный столик. Подняв колпак с одной кастрюльки, он недовольно поморщился и вернул его на место. То, что находилось в другой кастрюльке, Ворному явно понравилось. Он взял чистую тарелку и положил себе хорошую порцию паэлы с морепродуктами. С горкой. На самый верх которой водрузил пару роскошных королевских креветок. В завершение он полил этот шедевр кулинарного искусства белым соусом с мелко нарубленной зеленью.

Поставив перед собой тарелку, майор Ворный вооружился большой забористой вилкой и толстым ломтем белого хлеба. Он вообще ничего не ел без хлеба. Но прежде чем приступить к еде, он посмотрел на меня. Вроде как с осуждением.

– Ты не принимал таблетки, которые я тебе дал?

– Принял несколько штук... До тех пор, пока мне про них не рассказали.

– И что же тебе рассказали?

– Эти таблетки способствуют подавлению воли и позволяют управлять сознанием того, кто их принимает.

Майор Ворный усмехнулся и принялся за паэлью.

– Ты мне не доверяешь?

– У тебя могут быть причины не говорить мне всей правды.

– Ты мне не доверяешь? – на этот раз акцент был сделан на слово «мне».

– После того, что вчера произошло, я вообще не знаю, кому верить... Честно говоря, вчера я собирался позвонить в консульство и потребовать для себя охрану... И непременно бы позвонил, если бы не отрубился, пока тебя ждал... Черт, – я кинул ложку в тарелку с недоеден-

ным супом. Уха была замечательная, но аппетит вдруг пропал. – Мне никогда не разобраться в том, что тут у вас происходит. Да, честно говоря, и не очень-то хочется. Наверное, лучшее, что я могу сделать, это как можно скорее улететь домой.

– А что так? – с невозмутимым спокойствием поинтересовался Ворный.

– Что так?! – я едва не подпрыгнул от возмущения. – Меня вчера хотели застрелить трое разных людей!.. А потом еще эти повара с автоматами!.. А ты спрашиваешь: что так?..

Владимир Леонидович наколол на вилку самую большую креветку – что сразу же напомнило мне о вчерашнем любителе креветочных голов, – откусил от нее кусочек и задумчиво посмотрел на меня.

– Расскажи-ка поподробнее о поварах.

– А твои ребята тебе что, не докладывали?

– Нет, – медленно покачал головой Ворный. – Я вообще не слышал ни о какой перестрелке.

– Спроси у Натальи, кто ей плечо прострелил!

Владимир Леонидович положил вилку на край тарелки, достал мобильник из кармана висевшего на спинке стула пиджака и набрал номер.

– Наталья, наш клиент утверждает, что вчера ты была ранена в плечо... Да, пулевое ранение... Ясно. Пока.

Ворный нажал кнопку отбоя, положил телефон рядом с собой на стол и снова взялся за вилку.

– Ну? – нетерпеливо спросил я.

– Никакой перестрелки вчера не было. И с Натальей, и с Андреем все в порядке. Они без происшествий доставили тебя в гостиницу, в холле на этаже дождались моего прибытия... Честно говоря, я тоже не заметил, чтобы кто-то из них был ранен.

Так.

Меня снова пытаются сбить с толку.

На этот раз гэбэ...

Ну не мог, не мог майор Ворный не заметить, что у Натальи плечо прострелено! А даже если и не заметил, выходит, он не в курсе, что вчера в центре Москвы, в ресторане «Острова Длинного Ганса», произошла перестрелка с итогом в две жертвы как минимум?

И вдруг меня осенило!

Все, что произошло вчера, было спектаклем, разыгранным специально для меня! А то, что происходит сегодня, это продолжение все того же представления!

Вот только оставался вопрос – очень серьезный вопрос, – чего ради оно затеяно?

Ладно. Если действовать методично, акцентируя внимание на мелочах, тогда мне, возможно, удастся подловить майора Ворного на каких-то несоответствиях предлагаемой им версии с тем, что произошло в действительности. Успеху вчерашнего представления, несомненно, способствовали таблетки, которыми угостил меня Ворный. Сегодня мой разум чист.

– Так что же вчера произошло? – спросил я как бы между прочим.

Взглянув на меня, Владимир Леонидович чуть приподнял левую бровь.

– Совсем ничего не помнишь?

– Напротив, – непринужденным движением я отодвинул от себя тарелку с недоеденной ухой. – Я все очень хорошо помню, – я взял с сервировочного столика вазочку с грибным салатом. – Настолько хорошо, что могу и тебе что-то напомнить.

– Ну-ну, – насмешливо скривил губы Владимир Леонидович.

Прежде чем продолжить, я встал из-за стола, подошел к бару и, раскрыв дверцы, внимательно изучил содержимое. Найдя взглядом бутылку «черного» «Джонни Уокера», я взял ее и вернулся за стол.

– Может быть, лучше таблетку, – искоса глянул на меня Ворный.

Я поднял два пальца и сделал знак, отрицающий любые попытки направлять мои действия. Сегодня я делаю то, что сам считаю нужным. И для начала я свернул с «Джонни Уокера» пробку.

– Ты организовал мою встречу с «Зеленым Миром»? – я взял рюмку и вслянь наполнил ее виски.

– Нет, – Ворный глазом не моргнул.

– У меня на сей счет иная информация.

Я опрокинул рюмку в рот.

Замечательный напиток.

– Источник ее, надо полагать, тот же, что и насчет таблеток?

– Да.

Я закусил грибным салатиком.

Тоже неплохо.

– Называть его ты, конечно, не станешь?

– Ну, может быть, в ином случае я бы и засомневался, стоит ли называть этого человека.

Но, поскольку он уже мертв, могу сказать, что звали его Геннадий Павлович Марвин. Или, может быть, Павел Геннадьевич Маврин.

– Когда он умер?

– Вчера. Его застрелил официант из пивного ресторана «Острова Длинного Ганса», называвший себя Исмаилом.

– А после появились повара с автоматами?

– Нет, сначала еще был бармен со здоровенным пистолетом. Который непременно бы пристрелил меня, если бы не вмешались твои ребята. А вот после этого уже появились повара с автоматами. И один с разделочным топориком.

– С топориком, говоришь? – Ворный наклонил голову и с озадаченным видом почесал пальцем висок. – Любопытная деталь.

Я откинулся назад и положил локоть на спинку стула.

– Ты как будто первый раз об этом слышишь.

– Честно говоря, так оно и есть.

Я натянуто хохотнул.

– Что тебя так развеселило? – удивленно посмотрел на меня Ворный.

– Сегодня я таблеток не принимал, и тебе не удастся меня провести.

– А, ладно...

Владимир Леонидович вновь принялся изучать содержимое сервировочного столика.

– Хочешь жульен? – спросил он,

– Нет.

– По-моему, неплохой.

Он поставил перед собой блестящую кокотницу и осторожно сломал ложечкой запеченную сырную корочку. Попробовав немного, Владимир Леонидович удовлетворенно кивнул.

– Вот что хочешь со мной делай, не могу я поверить в то, что еда, приготовленная с помощью нанотехнологий, такая же вкусная, как и настоящая. То, что вы едите, это ж сплошная синтетика со вкусовыми добавками. Скажешь, нет?

– По-моему, никакой разницы, – недовольно буркнул я.

– Лукавишь, – прищурился Ворный.

– Да нет... Во всяком случае, я никакой разницы не замечаю, – я взял бутылку и наполнил свою рюмку. – Вот откуда у вас «Джонни Уокер»? Из старых еще запасов? А что будете делать, когда закончится?

– Виски, которое ты пьешь, изготовлено в Калуге по традиционным рецептам и технологиям. Так что мы-то без «Джонни» не останемся.

Я выпил и даже закусывать не стал. С чего-то вдруг взяла меня досада. Может быть, потому, что калужский «Джонни Уокер» ничем не отличался от оригинального, из старых запасов, пару бутылок которого я три года назад за бешеные деньги в «Смоленском» купил?

– Ну, давай рассказывай. Я готов.

Майор Ворный съел ложечку жюльена. Аккуратно промокнул губы салфеткой.

Манеры – как у аристократа.

– Что ты хочешь услышать?

– Твою версию вчерашних событий.

– Ах вот ты о чем. – Владимир Леонидович не спеша налил в стакан минералки, поболтал, чтобы выгнать пузырьки газа, сделал глоток. – Вчера днем у тебя была встреча с заместителем секретаря думского комитета по экологии...

– Точно, была, – подтвердил я.

– Потом ты поехал на конференцию общественных организаций и движений «Единое информационное пространство: вчера, сегодня, завтра». Одним из организаторов конференции был тот самый «Зеленый Мир», от общения с представителями которого я тебя предостерегал. Эти ребята пытаются делать себе имя на экотерроризме, а это значит, что рано или поздно их прихлопнут. Во время встречи на тебя, похоже, здорово накатило. Я в это время был в конторе, поэтому велел приглядывавшим за тобой ребятам везти тебя в гостиницу. И там уже дать что-нибудь выпить. Сам я прибыл минут через сорок после вас. Ты полулежал в кресле в полной отключке. Что и не мудрено – ты один скушал без малого литр джина.

– Все?

– Все.

– Все ложь! – протестующе взмахнул я рукой. – От начала до конца!

– Ну, тебе, понятное дело, виднее, – едва заметно усмехнулся Ворный.

Чем, надо сказать, здорово вывел меня из себя.

– Послушай, Владимир Леонидович, – положив руку на стол, я подался вперед. – Я знаю, что такое накат. И, поверь мне, реальность от бреда отличить сумею.

– Повара с автоматами... Сколько, говоришь, их было?

– Пятеро. И один с топором.

– По-твоему, это не бред?

– Но я их видел! – это был единственный довод, который я смог привести. – Я был там!

– Где?

– В ресторане «Острова Длинного Ганса». Неподалеку от Курского вокзала.

Владимир Леонидович не спеша допил минералку, поставил пустой стакан и поднялся из-за стола. Он подошел к телефону, снял трубку и переключил аппарат в режим голосовой конференции.

– Портъе. Чем могу быть вам полезен?

– Будьте добры, подскажите телефонный номер и адрес пивного ресторана «Острова Длинного Ганса». Где-то в районе станции метро «Курская».

– Секундочку.

Было слышно, как щелкают клавиши – портъе набирал на клавиатуре запрос.

– Простите, но ресторана с таким названием в Москве нет.

– Большое спасибо, – Владимир Леонидович положил трубку на рычаг и посмотрел на меня. – Нужны комментарии?

Мой взгляд в растерянности скользнул по столу, как будто надеялся найти ответ среди посуды и столовых приборов.

– Портъе работает на тебя.

– Ага, – криво усмехнулся Ворный. – Каждый второй в нашей стране является осведомителем гэбэ, а каждый первый следит за каждым вторым. – Он снова сел за стол. Взял в руку чайную ложку, постучал ею по краю тарелки. – Если не лень, можем съездить туда, где находится этот твой ресторан... Хотя, если следовать твоей логике, я мог за несколько часов открыть на месте ресторана синагогу. А весь обслуживающий персонал пустить в расход. Правда, можно еще съездить в кинотеатр «Рассвет», где проходила конференция, и человек двадцать из обслуживающего персонала подтвердят, что видели тебя там вчера. В общем, я не знаю, Петр Леонидович...

– Подожди! – я поднял руку, требуя тишины.

Теперь я уже хотел не столько разобраться с тем, что произошло вчера, сколько понять, где же реальность. Допустим, большинство из тех доказательств, что привел майор Ворный, нельзя было сфабриковать. Но их можно было мне внушить. Заставить меня поверить, что все было именно так, а не иначе. Вот только зачем и кому это нужно?

Может быть, действительно послать все к черту и сегодня же улететь домой?

Билет на самолет – не проблема. Вот только дома мне придется давать объяснения по поводу сорванного графика поездки. А что я мог сказать в свое оправдание? Если даже здесь все происходящее больше всего кажется похожим на бред, то уж там, за кордоном, меня и вовсе примут за ненормального.

– Так что же делать?

– Ты меня спрашиваешь?

Надо же, я и не заметил, что произнес последний вопрос вслух.

Я коротко махнул кистью руки – мол, не обращай внимания.

– Слушай, Петр Леонидович, ты вчера сколько таблеток принял?

– Четыре... Или пять... Какое это имеет значение?

– Покажи упаковку.

Я не стал спрашивать Ворного, зачем ему это нужно. Просто встал, подошел к стулу, на котором висел пиджак, и достал из кармана упаковку таблеток.

То, что я увидел, поразило меня самого – в упаковке не хватало лишь одной таблетки. Той, что я принял с утра.

– Так ты их не принимал? – Владимир Леонидович смотрел на меня не то с осуждением, не то с сочувствием.

В ответ я мог разве что только руками развести.

– Честное слово, я был уверен, что принимал таблетки.

– Вот на тебя и накатило... – майор Ворный принялся за фруктовый десерт. – Однако, дружище, это не объясняет того, что ты уверен в обратном... Если ты, конечно, в этом уверен?..

– Абсолютно, – подтвердил я. – Как и в реальности существования «Островов Длинного Ганса».

– Ну что ж, в таком случае... – Владимир Леонидович отправил в рот ложечку засахаренных фруктов. – Выходит, кто-то действительно играет с твоим сознанием.

– Не ты? – спросил я вроде как в шутку.

– Не я, – серьезно ответил Ворный.

– А предположения есть?

Владимир Леонидович доел десерт, вытер губы салфеткой и поднялся из-за стола.

– Давай-ка, дружище, прогуляемся. Погода отличная, а мероприятия, что у тебя в плане на сегодня, можно со спокойной совестью пропустить. Ты все мне подробно расскажешь, и мы попытаемся определить точку прокола.

* * *

Мы шли по набережной. Стараясь не упускать даже самых незначительных деталей, я рассказывал майору Ворному о своих вчерашних приключениях. Владимир Леонидович внимательно слушал, кивал и время от времени задавал уточняющие вопросы. И, надо сказать, по мере того, как история моя близилась к завершению, я сам все меньше верил в ее достоверность. Уж слишком невероятные были события. По любым меркам.

– Интересная получается картинка, – сказал майор Ворный, когда я закончил. – В твой совершенно фантастический сюжет вплетено довольно много реальных событий и персонажей. О Наталье с Андреем я уже не говорю – они доставили тебя вчера в номер. Геннадий Павлович Маврин – один из лидеров «Зеленого Мира». Чудище с крышей, съехавшей набекрень. Обычно несет полный бред, который его соратники воспринимают как божественное откровение. За свою деятельность уже трижды привлекался к суду, но отделался штрафами и административными взысканиями. Я не думал, что он заявится на конференцию, но, судя по твоему описанию, это был именно он.

– Надеюсь, его не убили? – кисло усмехнулся я.

– Наталья сказала, что на тебя накатило уже после окончания официальной части. В фойе был организован небольшой фуршет, и во время него шла довольно оживленная дискуссия. Которая, по всей видимости, трансформировалась в твоём сознании в перестрелку между оппонентами.

– Значит, то, что я слышал от Марвина, он говорил мне на самом деле?

– Не знаю, – с сомнением покачал головой Ворный. – Хотя от этих выродков всего можно ожидать. Предупреждал же я тебя! – Владимир Леонидович с досадой ударил ладонью о ладонь. – Не общайся с ними!.. Черт!.. Честное слово, жалею теперь, что «жучка» тебе не подсунул!.. Какого хрена этот отморозок завел речь об убийстве?

– Но он говорил, что покушение на меня готовит Госбезопасность.

– Вот именно! – возмущенно взмахнул руками Ворный. – И наверняка этому были свидетели!

– И что с того? – не понял я.

Владимир Леонидович неожиданно остановился и повернулся ко мне лицом. Судя по его выражению, Ворному в этот момент очень хотелось дать мне по морде. Вот только за что?

– А то, что, если в Облонске или по дороге туда с тобой что-нибудь случится, «Зеленый Мир» обвинит во всем Госбезопасность. «Мы ведь предупреждали!» – будет вопить Маврин на каждом углу...

– Стой, стой, стой! – я быстро-быстро протестующе затряс рукой. – Кто меня собирается убить?

– Экотеррористы из «Зеленого Мира», – Владимир Леонидович сложил руки за спиной и снова как ни в чем не бывало зашагал по асфальтовой мостовой. – Хотя, конечно, это только рабочая гипотеза.

Ничего себя заявочки!

Меня подобный расклад не устраивал даже в качестве наименее возможного из всех ожидаемых вариантов.

– И что ты собираешься предпринять? – спросил я, догнав Ворного.

– А что я могу предпринять? – пожал плечами Владимир Леонидович. – За тобой и без того наблюдают денно и нощно. А задержать Маврина, основываясь только на твоих бредовых видениях, я не могу.

– Подожди, – на этот раз остановился я. – Но зачем этим экотеррористам убивать меня? Мы, ну, в смысле, МЭФ, нацелены на долгосрочное сотрудничество с «Зеленым Миром»...

– Они, надо полагать, тоже нацелены. Вот только мишени у вас разные. Я не знаю, что за тараканы возятся в головах у этих ребят, но, в принципе, могу легко прикинуть семь-восемь вариантов того, как они могут в собственных интересах обыграть убийство представителя МЭФа злодеями из Госбезопасности... С другой стороны, Маврин мог предполагать, что мне станет известно о его словах. Тогда это может оказаться всего лишь слабенькой провокацией. Слишком слабенькой, сказал бы я. И настолько невыразительной, что я даже не стал бы принимать подобный вариант всерьез.

– Есть еще и третий вариант, – напомнил я. – Всего этого могло не быть на самом деле.

– Верно, – согласился Ворный. – Но тогда мне непонятно, почему ты не принимал таблетки от наката. В твоём бреде Маврин сказал, что с помощью таблеток я манипулирую твоим сознанием. Значит, он мог сказать тебе это и на самом деле. Другой вопрос, почему ты ему поверил? Что за аргументы он приводил?

– Не помню, – покачал головой я.

– Жалко... Хотя... Возможно, всему виной страх смерти. Как только ты поверил в то, что тебя собираются убить, тут же уверовал и в остальное.

– Мне не стоило в это верить?

– В то, что на тебя готовится покушение?

– Ну да.

– А с какой стати? Кому ты нужен?

– Но ты же сам пять минут назад...

– Это я абстрактно теоретизировал. На самом деле никакой опасности нет... Ты знаешь, что последние пару лет у нас практически стопроцентная раскрываемость преступлений?

– А у нас преступлений вообще нет.

– Это потому, что у вас тоталитарное общество.

– У нас?

– Ну не у нас же. У вас каждый человек находится под наблюдением двадцать четыре часа в сутки и триста шестьдесят пять дней в году. Если возникнет необходимость, можно с точностью до минуты расписать любой день из жизни каждого. Ничего невозможно скрыть. Никаких тайн не существует. Это, дружище, не жизнь, а полный кошмар. Просто вы приучили себя не думать об этом. Вы живете в обнимку с тем самым Большим Братом, которым в свое время Оруэлл напугал весь мир. Кому в таких условиях может прийти в голову не то что совершить, а хотя бы помыслить о преступлении?

– У нас нет преступности, потому что люди обеспечены всем необходимым.

– А, – недоверчиво махнул рукой Владимир Леонидович. – Человек никогда не может остановиться на достигнутом. Сколько ни давай, ему все мало.

– Это потребительский подход к жизни.

– А ты знаешь другой?

– Я не понимаю, в чем ты пытаешься меня убедить.

– В том, что ваша информационная цивилизация планомерно загнивает.

– Не нравится – не нюхай, – недовольно буркнул я.

– Оно-то вроде как верно, – будто в задумчивости протянул Владимир Леонидович. – Можно, конечно, нос зажать, а то и вовсе отвернуться. Но дело-то в том, что, как только у вас там все рухнет, вы же толпой к нам через кордон ломанетесь. И что нам тогда делать?

Чего мне сейчас хотелось меньше всего, так это обсуждать излюбленную тему майора Ворного о том, как в один ужасный день все информационные башни исчезнут, уины перестанут действовать и вся закордонная цивилизация из эры информационных нанотехнологий окажется выброшенной в каменный век. А то и куда похуже – обрабатывать камни еще ведь научиться нужно. То упорство, с каким Владимир Леонидович пытался убедить меня в неизбежности именно такого варианта развития событий, порой наводило на мысль, что он сам в

него не верит. В принципе, я был не прочь с ним поспорить, хотя, честно говоря, не видел в этом большого смысла – сколько мы ни муссировали эту тему, каждый все равно оставался при своем мнении.

– Владимир Леонидович, дорогой мой, давай оставим в покое проблемы информационного общества. Не отрицаю, они у нас есть...

– Нет, – перебил меня Ворный. – В том-то и дело, что у вас нет никаких проблем.

– Ну, это только со стороны так кажется.

– Назови главную.

– Экология.

– Все, больше вопросов не имею!

– Лично у меня сейчас проблема чисто русская – что делать?

– Занимайся своим делом и ни о чем не беспокойся, главное, не забывай таблетки принимать, – быстрой скороговоркой произнес майор Ворный. – Как только что не так – сразу таблетку под язык. В Облонск твоя группа завтра отправляется? Ну, так и лети вместе со всеми! И не волнуйся, мы за тобой присмотрим.

– А присматривать зачем, если бояться нечего?

– Для порядка. Мало ли что...

У обочины, в трех шагах от нас, притормозила темно-пурпурная «Тойота» с тонированными стеклами. Приметив ее, я решил, что это машина Владимира Леонидовича. Прогулка пешком – это, конечно, замечательно. Но машина сопровождения всегда должна быть рядом. Стекло задней дверцы немного опустилось вниз, и из зияющей темноты прямоугольной бойницы показался автоматный ствол.

– На землю! – крикнул майор Ворный и, прежде чем самому упасть, завалил меня под куст.

Длинная сухая очередь хлестко ударила по тому месту, где мы только что стояли. Звук был настолько пронзительно-реалистичным, что, казалось, воздух наполнен тонкими пластинками слюды, ломающимися и бьющимися друг о друга.

Перекатившись на живот, майор Ворный выдернул из-под мышки пистолет и открыл ответный огонь.

Я лежал, вжавшись в серый асфальт, накрыв голову сцепленными замком ладонями. Мне не было дела до того, что происходило вокруг, – я хотел остаться живым. Зачем – и сам не знаю. Просто хотел, и все тут.

Голову я приподнял, только когда стрельба прекратилась.

Вроде бы я остался цел.

Майор Ворный, похоже, тоже не пострадал. Изощренно и зло матерясь сквозь зубы, Владимир Леонидович выбросил из пистолета пустую обойму и коротким ударом ладони загнал на ее место новую. Передернул затвор.

Пронзительно взвизгнув тормозами, машина, из которой по нас стреляли, сорвалась с места.

Майор Ворный проворно вскочил на ноги и, перехватив пистолет обеими руками, принялся стрелять ей вслед.

На что он рассчитывал, не знаю.

Девять выстрелов, а затем сухой щелчок бойка, ударившего в пустоту.

И в тот момент, когда казалось, что темно-пурпурная «Тойота» уже ушла, вылетевший из переулка черный «Додж» ударил ее в дверцу рядом с сиденьем водителя. Удар был настолько сильный, что «Тойота» боком перелетела через узкую пешеходную дорожку и, проломив чугунную ограду, рухнула в реку.

– Вовремя, – одобрительно кивнул майор Ворный. – Очень вовремя.

Трясущимися пальцами я вытащил из кармана закатанные в фольгу таблетки, выдавил одну на ладонь, затем, для верности, добавил к ней еще одну и проглотил обе. К моему глубокому сожалению, реальность не претерпела существенных изменений. Из «Доджа» с разбитыми передними фарами вышел человек в светло-сером спортивном костюме, как старому знакомому, махнул рукой Владимиру Леонидовичу и, подойдя к пролому в изгороди, посмотрел вниз, на темные воды, сомкнувшиеся над «Тойотой».

– Давай поспорим, что никто не выплывет? – предложил мне Ворный, убирая пистолет в кобуру.

Можно подумать, я дурак, чтобы спорить с профессионалом.

Не дождавшись ответа, Владимир Леонидович поднял с асфальта пустую обложку и пошел к тому месту, где упала в воду «Тойота».

– Ну как, Сельвинович, выплыл кто?

– Не-а, – мужчина в спортивном костюме ухватился рукой за столбик ограды и наклонился ниже. – Все в машине остались.

Я отчаянно боролся с сумбуром в голове.

Несмотря на оптимистичные прогнозы майора Ворного, меня снова пытались убить.

Снова?..

Ну да, если принять за первое покушение в несуществующем ресторане «Острова Длинного Ганса».

Хотя, честно говоря, я опять начал сомневаться в том, что это был бред. Ну что хотите со мной делайте, не мог оказаться бред настолько реалистичным, что я до сих пор помнил, как играли отсветы огней на блестящем острие разделочного топорика, которым размахивал бросившийся на меня повар!..

В любом случае, несколько минут назад меня точно пытались убить. Самым натуральным образом. На этот раз Ворный находился рядом со мной, так что, если он и теперь будет утверждать, что мне все привиделось, я просто рассмеюсь ему в лицо.

Меня хотят убить.

Меня?..

Ну а кого же еще! В самом-то деле!

Остается последний и самый интересный вопрос: кому я тут насолил?

Сам я за собой никакой вины не чувствовал.

А впрочем, какая разница. Пусть русские сами разбираются с тем, что тут у них происходит. А я – в гостиницу, собираю вещи, еду в аэропорт и первым же рейсом – домой. Теперь у меня есть вполне реальное и очень веское оправдание. А даже если бы и не было, жизнь мне пока еще дороже престижа...

– Простите, – кто-то негромко окликнул меня сзади.

Я обернулся. Но даже не успел увидеть лица человека, стоявшего у меня за спиной. Только темный, расплывчатый силуэт. В лицо мне ударила упругая струя едкого газа. Собираясь крикнуть, я сделал глубокий вдох, почувствовал, что задыхаюсь, и потерял сознание.

* * *

Когда я очнулся, было темно.

И тихо.

Как под землей.

В гробу.

Я судорожно вздохнул.

Воздуха мне пока хватало. Хотя свежим его никак нельзя было назвать. Но и затхлым – тоже. Скорее уж застоявшимся. С запахом пыли и какой-то чуть сладковатой пряности.

Сидел я, по всей видимости, на стуле. Руки мои были заведены за спинку и связаны. Не очень туго. Наверное, постаравшись, я даже смог бы распутать узлы. Но пока у меня такого желания не возникало. Ноги оставались свободными. Я легонько топнул правой ногой. Звук был, как от каменного пола.

– Проснулись, Петр Леонидович?

Голос был искажен до неузнаваемости. Будто пропущенный через вокодер. Звучал он очень неприятно, точно из глубокой жестяной бочки, отскакивая от стен, то падая вниз, то снова взлетая вверх. Все же можно было догадаться, что принадлежал он мужчине.

Только теперь я сообразил, что на голове у меня темный мешок. И запах пряности прятался в его швах.

– Снимите мешок!

Требование мое прозвучало скорее как униженная просьба. Но она тут же оказалась выполнена. С головы моей стянули мешок, и я зажмурился от яркого света, ударившего по глазам.

Я находился в темном помещении. В трех шагах от меня стоял письменный стол. На столе – лампа с круглым абажуром, направленная мне в лицо. Справа от стола сидел человек. Я мог видеть только его ноги, закинутые одна на другую, обутые в узконосые лаковые ботинки.

– Если вы обещаете, что не будете пытаться встать со стула, мы развяжем вам руки, – все тем же искаженным голосом произнес мужчина за столом.

– Да, конечно, – с готовностью согласился я.

Кто-то подошел ко мне сзади и перерезал веревку на руках.

Я машинально потер запястья. Не потому, что затекли, а потому, что так полагается после того, как тебя развяжут.

– Приношу вам свои извинения, Петр Леонидович, за причиненные неудобства. Поверьте, мы не желаем вам зла. И как бы ни закончилась наша беседа, вы выйдете отсюда живым и невредимым. Давайте считать, что вы просто пришли к нам в гости.

– Странный способ приглашения, – буркнул я в ответ. – Да и на вечеринку не похоже.

А, собственно, какие у меня были основания верить тому, что говорит этот тип за столом? Почему я должен ему доверять, если он прячет свое лицо и даже голос меняет?

– Боюсь, у нас не было другой возможности встретиться с вами. Вы ведь и сами знаете, что находитесь под постоянным наблюдением Госбезопасности.

– Кто вы такие?

Понятное дело, мой вопрос остался без ответа.

– Быть может, вы что-то хотите? – спросил незнакомец за столом. – Чай? Кофе? Может быть, сэндвичи?

– Водки грамм сто пятьдесят.

– Вы это серьезно?

Даже сквозь скрип и скрежет искажающих голос помех я услышал недоумение.

– Если есть, давайте, – махнул я рукой.

– Ну, хорошо...

На секунду из темноты выскользнула рука незнакомца, сделавшая кому-то знак. Рука как рука, ничего особенного. Ногти не накрашены, колец и перстней нет.

Сзади послышалась какая-то возня.

– Не оборачивайтесь, – предупредил таинственный хозяин.

Я безразлично дернул плечом – мол, не очень-то и хотелось.

К моему стулу слева придвинули широкий табурет, выкрашенный белой масляной краской. На табурет поставили граненый стакан, на две трети наполненный прозрачной жидкостью. Рядом – блюдечко с голубой каемочкой. На блюдечке – нарезанный кружками соленый огурец,

пять зубчиков маринованного чеснока и три кусочка селедки. На краю – маленькая двузубая вилочка для фруктов.

– Прошу вас, – вновь выскользнувшая из темноты рука сделала приглашающий жест.

Я взял в руку стакан.

– Компанию не составите?

– Простите, не могу, Петр Леонидович. Здоровье не позволяет.

– Ну, тогда за ваше здоровье!

Я сделал глоток. Ничего, вполне приличная водка. Сделал еще глоток. Поставил недопитый стакан на табурет. Наколот на вилку кусочек селедки и отправил его в рот. Селедка оказалась не в моем вкусе – пересоленная и с душиком.

Выпив, я почувствовал себя чуть бодрее. Ничего хорошего от этой встречи я, понятное дело, не ждал. Хотя, с другой стороны, если бы меня хотели убить, так зачем тогда водкой поить? Или же это такой особо изощренный способ глумления?..

А, черт с ними!

Я звонко хлопнул в ладоши.

Звук хлопка укатился куда-то вдаль и исчез, как будто у помещения, в котором мы находились, не было ни стен, ни потолка. Только пол – я на всякий случай глянул под ноги, – да, пол имелся. Серая растворная стяжка.

Поскольку хозяин не подавал никаких признаков жизни, я еще раз хлопнул в ладоши.

– Ну, так о чем мы?

Носок левой ноги таинственного незнакомца едва заметно качнулся.

– Видите ли, Петр Леонидович, вопрос, который мы хотим с вами обсудить, настолько деликатный... Что я даже не знаю, с чего начать.

– Может быть, для начала представитесь? – предложил я.

– Имя мое ничего вам не скажет.

– Но я должен вас как-то называть.

– Называйте меня Ахавом.

– Ахав, значит, – насмешливо кивнул я. Тоже мне, знатоки классики! – Я прежде знал человека, который просил называть его Исмаилом. Он плохо кончил.

– Я постараюсь не повторять его ошибок, – ответил Ахав.

– Так вы его знали?

– Слышал о нем.

– И что же о нем говорят?

– О ком?

– Об Исмаиле.

– О нем уже не говорят. Его забыли.

– Но прежде...

– Очень прошу вас, Петр Леонидович, не употребляйте в своей речи слов, значения которых не понимаете.

– О чем вы? – удивился я.

– Когда вы говорите «прежде», то подразумеваете, что было и «после». Но, если «после» уже было, то где же «сейчас»?

Я немного растерялся. Потому что не мог понять смысл произнесенной Ахавом фразы.

– Это имеет какое-то значение? – спросил я.

– Огромное! Настолько, что вы даже представить себе не можете!

– Хорошо, поверю вам на слово, – не стал спорить я. И, дабы сменить тему, спросил: –

Вы экотеррорист?

– Нет.

– Но с властями вы не в ладах?

- Почему вы так решили?
- Потому что вы не хотите, чтобы я видел ваше лицо и слышал ваш голос.
- Причина совсем иная.
- Настолько глубокая, что я не могу ее даже вообразить?
- Можно и так сказать.
- Позвольте задать еще пару-тройку вопросов?
- Конечно.
- Сегодня тот же день, что и вчера?

Это была откровенная провокация. Но Ахав уверенно ответил:

– Да.

Уверенность его мне понравилась.

– В ресторане «Острова Длинного Ганса» на меня напали ваши люди?

– Нет.

– А сегодня? Темно-пурпурная «Тойота»?

– Да, это были мы.

– Вашей целью был я или полковник Ворный?

– Мы хотели встретиться с вами наедине.

– Я имел в виду, в кого вы стреляли?

– Вы полагаете, стреляя с трех метров из автомата по двум неподвижно стоящим людям, можно промахнуться?

– Я не знаток оружия.

– Тогда посмотрите сюда.

Рука, явившаяся из темноты, указала влево.

Там, куда она указывала, возникло яркое, светлое пятно, в считанные секунды растянувшееся в стороны и превратившееся в квадратный экран размером примерно метр на метр. Но это был не телевизионный дисплей и не экран для демонстрации фильма с кинопроектора. Казалось, изображение висит в воздухе. К тому же, подчиняясь едва заметным движениям пальцев руки Ахава, оно легко меняло ракурс, и не скачком, как если бы происходило переключение на другую камеру, а плавно, будто камера летала в воздухе, выписывая самые невероятные пируэты.

Сначала я увидел набережную с черной чугунной изгородью, тянущейся вдоль берега реки. Серый асфальт, кусты, аккуратно подстриженные в метре от земли. А вот и мы с майором Ворным, стоим и разговариваем. Звука не было, но я знал, что в этот самый момент Владимир Леонидович убеждал меня в том, что беспокоиться мне совершенно не о чем. Убедил!

Камера скользнула в сторону и развернулась вокруг вертикальной оси. Я увидел, как опускается тонированное стекло задней дверцы пурпурной «Тойоты». В темном проеме появляется ствол автомата, и на конце его начинают лопаться огненные вспышки.

В этот момент изображение остановилось, и камера вновь развернулась на нас с Ворным. Смешно втянув голову в плечи, майор пытался повалить меня на землю.

– Смотрите внимательно, Петр Леонидович.

Изображение начало медленно двигаться.

Я медленно, выставив перед собой руки, падал на землю.

Майор Ворный чуть быстрее тянул из кобуры пистолет.

– Видите?

– Что?

– Следы от пуль.

Я присмотрелся.

– Нет.

– Потому что пуль не было.

Картинка снова переключилась в режим реального времени.

Камера поймала в объектив уносящуюся прочь «Тойоту».

Выкативший на полной скорости из переулка черный «Додж» бьет «Тойоту» в бок.

«Тойота» перелетает через тротуар, проламывает ограждение и падает в реку.

Ахав щелкнул пальцами, и изображение исчезло.

– Это был отвлекающий маневр.

– В машине сидели камикадзе?

– Нет. В тот момент, когда машина упала в воду, в ней уже никого не было.

– Уже?.. Что значит «уже»?.. Или я снова неверно истолковал значение слова?

– Видите ли, Петр Леонидович, в будущем люди научатся перемещаться во времени.

– В будущем?

– Да.

– Но не сейчас?

– Конечно, нет.

– Ну что ж, это все объясняет!

Я взял стакан, залпом допил остававшуюся в нем водку и закусил зубчиком чеснока.

– Не ерничайте, Петр Леонидович. Я говорю серьезно.

– Простите, я не понял.

– За несколько секунд до того, как «Додж» протаранил «Тойоту», находившиеся в ней люди переместились на двенадцать часов назад. И спокойно покинули место будущего происшествия.

– То есть вы заранее знали, что именно так все и произойдет?

– Это была уже не первая попытка.

– Seriously? Почему же я ничего не помню?

– Потому что с вами это случилось впервые... Полагаю, вам трудно в это поверить, Петр Леонидович, но мы прибыли из будущего.

– Для того чтобы нацепить мне на голову мешок, затащить в какой-то темный ангар и угостить водкой?

– Кстати, – я снова увидел открытую ладонь Ахава, обращенную ко мне. – Хотите еще водки?

– Нет.

– Чудесно.

– Что хорошего в том, что я не хочу водки?

– Это просто такой оборот речи. Хотя количество алкоголя, которое вы уже употребили сегодня, значительно превышает...

– Давайте не будем об этом, – я недовольно поморщился. – Вы не моя мама и не моя жена. Вы вообще из будущего! Какое вам дело, когда и сколько я пью?

– Дело в том, Петр Леонидович...

– Из какого вы года?

– Нас с вами разделяют столетия.

– Да ну?.. А, инопланетяне прилетели?

– Мы и есть те самые инопланетяне...

– Вы захватили Землю?

– Петр Леонидович, вы не дадите мне закончить!

Мне показалось или же действительно в искаженном электроникой голосе Ахава я услышал нотки раздражения?

Я сложил ладони вместе, а затем медленно развел их в стороны, давая понять, что теперь буду молчать и слушать.

– Пришельцами оказались наши далекие потомки, вернувшиеся из будущего.

- Что, в будущем все так плохо?
- Будущее поливариантно.
- Кто же этого не знает! – развел я руками.
- И, как ни странно, Петр Леонидович, именно от вас зависит, захочется ли нашим и вашим потомкам бежать из своего будущего в прошлое.
- От меня? – на всякий случай, чтобы не вышло ошибки или непонимания, я еще и пальцем в грудь себя ткнул.
- Именно от вас, – подтвердил Ахав.
- Ясно. Чтобы в будущем все было хорошо, я должен сейчас умереть.
- С чего вы это взяли?
- А что еще я могу сделать для будущего?
- Петр Леонидович, пожалуйста, сосредоточьтесь.
- Да-да.
- Я поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. Кашлянув в кулак, прочистил горло. Сложил руки на коленях.
- Будьте предельно внимательны.
- Я весь внимание.
- Будущее зависит от того, станет ли Россия частью единого информационного пространства. А это, в свою очередь, зависит именно от вас, от ваших действий сегодня и в самые ближайшие дни.
- Я почесал ногтем кончик носа.
- Вы нечего не путаете?
- Ошибка исключена.
- Я как-то не думал...
- Не закончив фразу – потому что не знал, что сказать, – я сделал эдакий весьма многозначительный и неопределенный жест рукой. Жест сей ровным счетом ничего не означал, но Ахаву, наверное, будет интересно подумать над его смысловым наполнением.
- Петр Леонидович, вы разве сами не видите, какие интриги плетутся вокруг вас? Во время прежних ваших визитов в Москву с вами случалось что-то подобное?
- Вы имеете в виду перестрелку в ресторане?
- И это тоже.
- Так, значит, она была на самом деле?
- Рука Ахава, появившаяся из темноты, повторила мой недавний жест.
- И ради чего все это? – спросил я.
- Вас пытаются вынудить отказаться от поездки в Облонск.
- А я должен туда ехать?
- Непременно.
- Зачем?
- Именно среди реликтовых Облонских болот поднимутся первые в России информационные башни. Созданное ими информационное поле окажется достаточно сильным для того, чтобы они смогли защитить себя, когда их обнаружат. После этого прогресс уже невозможно будет остановить.
- Но при чем тут я?
- Вы разве сами еще не поняли?
- Прежде чем ответить, я задумался.
- Определенно, у меня не было никаких вариантов.
- Видимо, Ахав и сам это понял.
- Вы сами, Петр Леонидович, создаете поле, необходимое спорам для того, чтобы пробудиться и начать рост. Такова уж особенность вашего организма.

- То есть я должен непременно поехать в Облонск, чтобы пробудить спящие там споры?
- Именно так, – подтвердил Ахав.

Я удивленно посмотрел на свои ладони. Говорят, некоторые особо одаренные люди могут видеть свое биополе. Я ничего не видел. Хотя, конечно, источник силы, о которой говорил Ахав, мог скрываться не в ладонях, а в какой-то другой части тела или органе. Например, в печени. Точно – в печени! Поэтому-то Ахава так беспокоит то, что я, по его мнению, слишком много пью!

- Так, значит, я должен лететь в Облонск? – еще раз спросил я.

Меня охватило некое странное волнение. А может быть, беспокойство. Мне вдруг стало казаться, что я чувствую время. Не так, как ощущаем мы его обычно, мысленно отсчитывая секунды, часы и дни, а физически. Как песок, утекающий между пальцев, – избитое, но очень верное сравнение.

- Да, – сказал Ахав.
- И что я должен там сделать?
- Ничего.

– Как это ничего? – Мне показалось, что я ослышался. – Сначала вы говорите, что от меня зависит будущее, потом заявляете, что мне ничего не нужно делать!

- Все произойдет само собой, – заверил меня Ахав.

– Но я должен буду убедиться, что все в порядке. Иначе потом всю жизнь буду думать, получилось или нет.

- У вас все непременно получится.
- Точно?
- Конечно. Если что-то пойдет не так, мы вернемся и все повторим.
- Только я об этом знать не буду.
- По ситуации.

Мне вдруг пришла в голову другая мысль:

– Вокруг полно психов, желающих убить меня. Один даже обещал отравить меня грибами по дороге в Облонск. Скажите, Ахав, я вернусь домой?

- Да.
- Живым?
- Живым и здоровым, Петр Леонидович.
- Обещаете?
- Конечно.

– Ну да, – усмехнулся я. – Если что-то пойдет не так, мы вернемся и все повторим.

– А вот тут, Петр Леонидович, вы ошибаетесь! – Ахав показал мне указательный палец. – Мы можем повторять одно и то же действие бесконечное число раз. Но лишь до тех пор, пока все его участники живы. Если вы вдруг умрете, то это уже навсегда, – руки Ахава с раскрытыми ладонями разошлись в стороны. – Извините.

- Так, значит, шанс умереть у меня все же имеется?
- У нас у всех есть такой шанс.

Что ж, следует отдать Ахаву должное, ответ он дал неоднозначный, требующий глубокого философского осмысления. При этом уклончивым его не назовешь – Ахав был предельно честен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.